

Р.Л. НИКУЛИН

**ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ
ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ
РОССИИ**

Часть 2

ИЗДАТЕЛЬСТВО ТГТУ

УДК 93(075)
ББК У03(0)5я73
Н651

Рецензенты:

Кандидат исторических наук, доцент кафедры «Государственное и муниципальное управление, организация работы с молодёжью»
Орловской региональной академии государственной службы,

филиал в г. Тамбове

А.М. Блудов

Кандидат экономических наук, доцент кафедры «Экономический анализ»
Тамбовского государственного технического университета

С.П. Спиридонов

Никулин, Р.Л.

Н651 Проблемы истории экономического развития в России : учебное пособие / Р.Л. Никулин. – Тамбов : Изд-во Тамб. гос. техн. ун-та, 2008. – Ч. 2. – 80 с. – 300 экз. – ISBN 978-5-8265-0769-8.

Рассматриваются основные аспекты экономического развития России во второй половине XIX века.
Предназначено для студентов 1 – 4 курсов всех специальностей вуза дневного и заочного отделений.

УДК 93(075)

ББК У03(0)5я73

ISBN 978-5-8265-0769-8

© ГОУ ВПО «Тамбовский государственный
технический университет» (ТГТУ), 2008

Министерство образования и науки Российской Федерации
ГОУ ВПО «Тамбовский государственный технический университет»

Р.Л. НИКУЛИН

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ

Часть 2

*Утверждено Учёным советом университета
в качестве учебного пособия для студентов 1 – 4 курсов
всех специальностей вуза дневного и заочного отделений*

Тамбов
◆ Издательство ТГТУ ◆
2008

Учебное издание

НИКУЛИН Роман Львович

**ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ
ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ**

Часть 2

Учебное пособие

Редактор Ю.В. Ш и м а н о в а
Инженеры по компьютерному макетированию:
М.А. Филатова, М.А. Евсейчева

Подписано в печать 24.12.2008
Формат 60 × 84/16. 4,65 усл. печ. л. Тираж 300 экз. Заказ № 589.

Издательско-полиграфический центр
Тамбовского государственного технического университета
392000, Тамбов, Советская, 106, к. 14

ВВЕДЕНИЕ

Возможности поступательного развития традиционной хозяйственной системы в России, основанного на доминировании внеэкономического принуждения, в первой половине XIX века оказались исчерпаны. Причиной этого стала всё более очевидная неэффективность использования системы принудительного труда в условиях ускоряющихся процессов становления индустриальной экономики в ведущих капиталистических государствах мира. Господство крепостнических порядков консервировало сложившийся хозяйственный порядок, лимитировало возможности динамичного развития сельскохозяйственного и промышленного производства. Их сохранение могло повлечь за собой углубление отставания Российской империи от ведущих государств мира, объективно создавало условия для стремительной утраты ею статуса великой державы.

В силу этого для многих представителей политической элиты империи становилась очевидной неизбежность ликвидации крепостного права и радикальной перестройки всех сегментов народнохозяйственного организма. Реформы были лишь вопросом времени и политической воли со стороны власти. Толчком, катализатором преобразований в социально-экономической сфере стало поражение в Крымской войне, обнажившее всю глубину отсталости России. Отмена крепостного права в 1861 году потребовала перестройки финансовой системы государства, выстраивания адекватной новым условиям промышленной политики.

1. ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ПОРЕФОРМЕННОЙ РОССИИ (1860 – 1880-е годы)

1.1. ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА САМОДЕРЖАВИЯ И РАЗВИТИЕ ПРОМЫШЛЕННОСТИ В ПОРЕФОРМЕННОЙ РОССИИ

Главным направлением в индустриальной модернизации (да и во всём экономическом развитии страны в пореформенный период), на первом её этапе и позднее, было железнодорожное строительство. В конкретных экономико-географических условиях России оно являлось одновременно и важнейшей составной частью индустриализационного процесса и условием развития капитализма вглубь и вширь. Создание железнодорожной сети было ведущим звеном, от которого зависели как темпы роста торгового земледелия, так и расширение рынков сбыта всей промышленной продукции. Особое значение имели железные дороги для тяжёлой промышленности и, прежде всего, для возникновения новых её центров на Юге России и в Баку. Железные дороги стали во второй половине XIX века основным потребителем продукции новой южной металлургии, крупным потребителем угля и нефти и, разумеется, монопольным заказчиком транспортного машиностроения. Последнее же, в свою очередь, являлось базой развития типичных для России крупных многоотраслевых машиностроительных заводов.

Обосновывая в 1866 году в специальном докладе царю необходимость создания металлургии и машиностроения, министр финансов М.Х. Рейтерн писал: «Одним из жизненных условий будущего финансового и экономического благосостояния России является постепенное, но по возможности безотлагательное развитие рельсового, пушечного, как стального, так и чугунного производства, выделка брони и т.п.». Это «облегчает ту тяжёлую дань, которая ныне тяготеет над нашим вексельным курсом и общим государственным кредитом». Рейтерн считал, что ни в коем случае нельзя задерживать создание железнодорожной сети страны (которое по существу и началось как раз с 1866 года), а это означало, что нужно было продолжать импорт английских рельсов, не выжидая развития их внутреннего производства. Однако следовало безотлагательно переходить к снабжению рельсами внутреннего производства железных дорог, которые строились к югу от Москвы и проходили поблизости или через угольные и железорудные месторождения тогда ещё почти не разведанного Донбасса и Криво-рожья (что относится и к железным дорогам Урала). Ради этого правительство должно было быть готово к «пожертвованиям» в виде высоких цен на рельсы.

Десять лет спустя Рейтерн писал: «Железные дороги наши строились преимущественно на иностранные капиталы и, конечно, без помощи последних не могут строиться в будущем. Но нельзя допустить мысли, чтобы они и ремонтировались постоянно иностранными рельсами и подвижным составом. Тогда мы вдвойне зависели бы от иностранных капиталов». Значение развития внутреннего производства паровозов и прекращения их ввоза Рейтерн приравнивал к обеспечению независимости страны от импорта вооружений.

Именно железнодорожное строительство явилось основой интенсивного роста промышленности в пореформенный период.

В основных капиталистических странах Запаदा железнодорожное строительство сыграло в XIX веке существенную роль в развитии металлургии на его начальном этапе. Да и после этого оно ещё долго сохраняло своё значение в качестве движущего фактора восходящей фазы экономического цикла, давая толчок для нового подъёма металлургии и других отраслей тяжёлой промышленности. В таких странах Западной Европы, как Франция или Германия, железнодорожное строительство до поры до времени поглощало значительную часть продукции чёрной металлургии в виде рельсов, мостовых конструкций и т.п. Однако к 1890-м годам и в этих странах и в США развитие металлургии значительно превзошло потребности не только железнодорожного строительства и хозяйства, но и обслуживающего его транспортного машиностроения (паровозы, вагоны и т.д.). Чтобы показать это уменьшение роли железнодорожного строительства в развитии металлургии, достаточно сопоставить темпы и динамику железнодорожного строительства (табл. 1) с данными о продукции металлургии в тех же странах.

Сопоставление железнодорожного строительства с ростом металлургии в трёх указанных странах Запада показывает, что, начиная с 1880-х годов, сооружение железных дорог теряло значение решающего фактора для

1. Железнодорожное строительство в России и других странах (в км)

Годы	Россия	Германия	Франция	США
до 1861	1867	св. 8 тыс.	св. 10 тыс.	св. 40 тыс.
1861 – 1865	3780	2814	4060	7176
1866 – 1870	7104	4923	3238	18 925
1871 – 1875	7920	9094	4013	33 076
1876 – 1880	3765	5675	3741	31 024
1881 – 1885	3385	3544	5750	56 320
1886 – 1890	3055	4629	3441	53 037
1891 – 1895	6441	3385	2960	26 455
1896 – 1900	16 204	4675	1867	20 420
1901 – 1905	8325	4802	1495	39 659
1906 – 1910	4442	4351	855	35 715
1911 – 1913	3215	2718	449	20 010

развития металлургии. В 1874 – 1875 годах в Германии железнодорожное строительство достигло максимальной цифры – 9 тыс. км и при выплавке чугуна за пятилетие в 8,6 млн. т могло потребить лишь до 15 % металлургической продукции. В первом же и втором пятилетиях 1880-х годов строительство сократилось до 3,5 и 4,6 тыс. км, а выплавка чугуна возросла до 17 и 20,1 млн. т. В последующие годы этот разрыв стал ещё больше. В США подобный перелом произошёл в конце 1880-х годов: во второй их половине железнодорожное строительство составило 53 тыс. км при выплавке чугуна в 39,4 млн. т, то есть могло потребить только до 20 % металлургической продукции. В следующем же пятилетии сооружение железных дорог снизилось вдвое, а продукция металлургии возросла на 30 %, причём в дальнейшем разрыв между железнодорожным спросом и растущим производством металлов ещё более увеличился. Рано начавшееся и протекавшее в спокойных темпах железнодорожное строительство Франции вообще оказывало мало влияния на развитие металлургии.

В России зависимость развития металлургии от железнодорожного строительства проявлялась гораздо сильнее и дольше. В 1870-х годах новая металлургия рождалась в форме рельсовой промышленности, так же и в 1890-х годах именно на производстве рельсов как на дрожжах взошла южная металлургия. Железнодорожный спрос поглощал подавляющую часть продукции металлургии, сначала передельной, а затем и новой металлургии Юга. Свойственные России резкие колебания в темпах железнодорожного строительства, выходявшие далеко за пределы обычных циклических колебаний, опять-таки самым непосредственным образом отражались на развитии металлургии до конца XIX века. Лишь к началу XX века связь металлургии с железнодорожным строительством заметно ослабела, однако и вплоть до первой мировой войны она оставалась довольно значительной. Про весь же период до 1905 года можно без преувеличения сказать, что российское государство через посредство железных дорог взращивало металлургическую промышленность и транспортное машиностроение.

К началу 1860-х годов Россия располагала менее чем 2 тыс. км железных дорог, тогда как в Германии и Франции было построено уже не менее 8 – 10 тыс., а в США – свыше 40 тыс. км. К концу первого периода интенсивного железнодорожного строительства – к началу 1880-х годов – в России было 24,5 тыс. км железных дорог (35 % далеко недостаточной для её территории сети 1914 года). В Германии и Франции к тому же времени было сооружено 29 и 23 тыс. км, соответственно, 50 и 55 % протяжённости её железнодорожной сети 1914 года, вполне достаточной по отношению к территории этих стран. Характерно, что с 1880-х годов в обеих странах темпы железнодорожного строительства в целом (хотя и несколько по-разному) снижались. Это свидетельствует о том, что к началу 1880-х годов основная потребность в железнодорожных путях сообщения здесь была уже удовлетворена. В США то же самое произошло к концу 1880-х годов, когда было сооружено около 70 % сети 1914 года. В России же с конца 1870-х годов, несмотря на крайнюю недостаточность построенной сети железных дорог, наступил резкий спад железнодорожного строительства, который продолжался до 1893 года. В годы экономического подъёма началось ещё более резкое, чем в 1866 – 1878 годах, увеличение железнодорожного строительства, продолжавшегося на значительном уровне и во время кризиса 1900 – 1903 годов. После этого, в условиях всё ещё недостаточной железнодорожной сети в стране, вновь происходит резкое сокращение строительства, которое возобновляется в более значительных размерах только накануне Первой Мировой войны.

Цикличность железнодорожного строительства выступает с особой наглядностью при точной периодизации по годам его подъёмов и спадов (табл. 2).

Следовательно, по наблюдениям экономистов, в железнодорожном строительстве России отчётливо прослеживаются два цикла – 27-летний до 1893 года, а затем 21 год до 1914 года. Каждый из них делится, в свою очередь, на две фазы – интенсивного строительства и глубокого спада: в первом случае 13 и 14 лет с падением на 54 %, во втором – 11 и 10 лет с падением на 61 %.

Эти два больших «цикла» охватывают по 2–3 общих экономических цикла и тем самым не совпадают с ними по фазам. Так, на прекращение фазы подъёма первого цикла железнодорожного строительства война

2. Железнодорожное строительство в России (в верстах)

Годы	Государственные	Частные	Все железные дороги	В среднем за год	Германия (среднегодовое, км)
До 1865	854	2404	3358	–	
1866 – 1878	1204	15911	17 115	1317	1515
1879 – 1892	5356	3275	8631	616	817
1893 – 1895	380	4982	5362	1787	765

1896 – 1900	8510	6780	15 300	3100	935
1901 – 1903	2533	3172	5705	1902	979
Итого	И 423	14 944	26 367	2397	882
1904 – 1907	4847	317	5164	1291	844
1908 – 1913	2138	2176	4314	719	866
Итого	6985	2493	9478	948	856
1914 – 1917	3992	3634	7626	1906	

1877–1878 годов имела значительно большее влияние, чем кризис 1873 – 1875 годов. Наступивший с 1879 года спад продолжался до экономического подъёма 1893 – 1899 годов. Подъём же самого железнодорожного строительства с 1893 года частично продолжался ещё в начале экономического кризиса 1900 – 1903 годов. Следующий, второй спад в сооружении железных дорог ещё больше усилился с началом промышленного подъёма 1909 – 1913 годов, строительство железных дорог стало вновь усиливаться лишь с 1912 года.

Такая цикличность железнодорожного строительства в России объясняется, прежде всего, тем, что оно почти целиком зависело от привлечения капиталов извне, а это практически могло осуществляться лишь путём государственных и гарантированных правительством займов. В то же время в благоприятных экономических условиях 1860 – 1870-х и 1890-х годов правительство форсировало железнодорожное строительство до предельного напряжения государственного кредита и государственных финансов. Напротив, в неблагоприятных экономических условиях после войны 1877–1878 годов строительство резко сокращалось.

Характерный для всех «молодых» капиталистических стран недостаток капиталов усугублялся в России тем, что правительство в весьма больших размерах использовало внутренний денежный рынок для непроизводительных государственных займов и столь же непроизводительного ипотечного кредита помещикам, растрачивая без пользы для экономики страны значительную часть внутренних накоплений. Железные дороги строились во многом за счёт иностранных капиталов, а привлечение их было возможно лишь при непосредственном участии правительства, которому приходилось брать на себя ответственность за целостность и доходность этих капиталов в форме государственных или гарантированных правительством железнодорожных займов. Такое привлечение капиталов сопровождалось огромными затратами государственных средств на строительство и эксплуатацию железных дорог, ставшими одной из основных причин дефицитности российского бюджета до конца 1880-х годов.

Формально на первом этапе в России преобладало частное железнодорожное строительство и хозяйство, которое и на Западе пользовалось некоторой государственной поддержкой. Однако в России государственная помощь стала такой всеобъемлющей и достигла таких огромных размеров, что вылилась, по существу, в широкое и решающее участие государства в «частных» железных дорогах. Благодаря этому к концу 1870-х годов была заложена основа железнодорожной сети России, достигшей в 1881 году 21 тыс. вёрст, из которых только за одно десятилетие (1866 – 1875 годы) было сооружено 14 тыс. вёрст.

Российское государство было крупнейшим потребителем продукции ряда отраслей тяжёлой промышленности как главный участник железнодорожного строительства и как государство с самыми крупными для той эпохи военными расходами в мирное время.

Государственное вмешательство использовалось правительством для насаждения крупных предприятий в новых отраслях тяжёлой промышленности. В 1860 – 1870-х годах основными объектами такой политики были транспортное машиностроение, сталелитейные (рельсовые) предприятия, военные заводы и единичные предприятия других отраслей. Новым предприятиям с конца 1860-х и до 1880-х годов предоставлялись многолетние заказы (часто по завышенным ценам), выплачивались поощрительные премии за производство новой продукции. Тем самым заводам обеспечивался устойчивый сбыт и покрытие повышенных издержек производства в период освоения новой продукции и, сверх того, ещё «достаточная» прибыль. Большая часть необходимых капиталов также предоставлялась государством в виде многолетних авансов и ссуд из средств казначейства или Государственного банка. В результате были созданы или полностью реконструированы из первоначально незначительных предприятий крупные заводы с тысячами рабочих – такие как Коломенский, Сормовский, Невский, вагонный и паровозный Мальцева, Путиловский, Брянский, Варшавский сталелитейный, а также военные Обуховский и Балтийский заводы. Потребность в рельсах и подвижном составе для строительства и эксплуатации железных дорог могла к концу 1870-х годов полностью удовлетворяться новыми русскими заводами без импорта.

Во время кризисов, депрессий, а также хозяйственных затруднений районного или отраслевого масштаба государство постоянно приходило на помощь крупным предприятиям и банкам, широко финансировало их и, в частности, предоставляло значительные долгосрочные ссуды из Государственного банка. После резкого сокращения железнодорожного строительства в 1880-х годах правительство стало выдавать предприятиям транспортного машиностроения и рельсовым заводам заказы на ненужные железным дорогам паровозы и рельсы, что приводило к образованию крупных длительных «казённых запасов». Для сохранения фактически обанкротившихся предприятий правительство становилось их явным участником, вводя в управления таких предприятий правительственных чиновников или принимая в полное управление государства, а иногда даже обращая в свою собственность (Путиловский завод в 1876 году, Невский и Мальцовские, Балтийский и Обуховский в 1880-е годы). После восстановления или временной консервации правительство возвращало такие заводы капиталистам на весьма выгодных для последних условиях.

Придавая главное значение развитию новых отраслей тяжёлой промышленности и расходуя на это крупные государственные средства, правительство не могло оставить без поддержки и старую металлургию Урала, а частично и Центрального района. Однако новыми формами поддержки могли воспользоваться лишь немногие горные округа, сумевшие перейти к производству подвижного состава (Мальцовские) или частично к изготовлению рельсов (Демидовские, Катавские). Остальные же округа получали поддержку в рамках унаследованной от дореформенного периода системы казённой опеки частных горных заводов. Сохраняя эту систему в новых условиях вместе с полукрепостнической основой округов, правительство стремилось с конца 1860-х годов ограничивать финансовую поддержку старой металлургии, предоставляя помощь, доста-

точную лишь для сохранения заводов в действии. Это имело немалое значение для укрепления более «благополучных» заводов и сохранения огромных горнозаводских латифундий основных уральских магнатов.

1.2. СТАНОВЛЕНИЕ СИСТЕМЫ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ФИНАНСОВ НОВОГО ТИПА: БЮДЖЕТНЫЕ И НАЛОГОВЫЕ РЕФОРМЫ В ПОРЕФОРМЕННОЙ РОССИИ

В 1860 – 1870-е годы, вошедшие в историю России как эпоха Великих реформ, произошли коренные преобразования, которые затронули практически все важнейшие стороны жизни как общества, так и государства. Были проведены экономические, внутрисполитические реформы (реорганизация системы управления, судебная, земская, городская, военная), реформы в области образования и культуры (школьная, университетская, цензурная). В числе прочих преобразований, необходимость которых осознавалась правящими кругами, было реформирование податной системы.

С марта 1858 года во главе финансового ведомства стал 66-летний Александр Михайлович Княжевич, прослуживший в министерстве без малого полвека и являвшийся в недавнем прошлом ближайшим сотрудником Е.Ф. Канкрин. Под его руководством был разработан детальный проект перестройки бюджетного дела и всей финансовой системы. В проекте подчёркивались несовершенство русских финансов и кредита, невероятная податная обременённость населения, громоздкость и дороговизна бюрократического аппарата, вред откупной системы, угрожающий рост государственной задолженности. В нём выдвигалось предложение реорганизовать налоговую систему страны, отменить винные откупа, увеличить таможенный доход, ввести акцизные сборы.

В 1859 году были образованы две постоянно действующие комиссии, ставшие своего рода мозговыми центрами финансовых реформ: одна, при Государственном контроле – для составления правил о порядке счетоводства, отчётности и ревизии; другая, при министерстве финансов – для пересмотра податей и сборов. Работа первой комиссии оказалась успешной и плодотворной, по сформулированным ею предложениям была осуществлена коренная реформа государственного хозяйства.

В дореформенное время каждое ведомство имело отдельный бюджет, государственная роспись не считалась обязательной к исполнению, отчётность была несовершенна, а контроль отсутствовал. Выработанная комиссией реформа утвердила принципы бюджетного и кассового единства, провозгласила гласность государственного бюджета. О том, насколько была неожиданной для современников, не забывших николаевские порядки, эта акция, говорит следующий характерный эпизод. Начальник отделения министерства финансов, хранящего все финансовые документы, получив указ об обнаружении государственной росписи и уведомление об отправке её в типографию, явился к министру и заявил, что «обнаружение росписи повлечёт за собой революцию», подал в отставку и просил немедленно уволить его со службы. Поскольку увещания и разъяснения главы финансового ведомства не подействовали, пришлось перепоручать дело публикации другому лицу. Вопреки опасениям добросовестного чиновника революции не произошло, а опубликование государственной росписи, впервые сняв многовековую завесу тайны, повысило доверие к отечественным финансам и реформаторским правительственным начинаниям.

Менее эффективными оказались занятия Комиссии по пересмотру податей и сборов, которая столкнулась с гораздо более серьёзной проблемой. С одной стороны, действовать приходилось с оглядкой на вероятное снижение государственных доходов, что сковывало возможности применения кардинальных мер. С другой стороны, налоговая система была теснейшим образом связана с состоянием общества, в котором ещё не были изжиты сословные пережитки. При этом правительство не только осознавало несовершенство существовавшей податной системы, но и ясно представляло основное направление реформы. В Высочайшем указе об образовании комиссии была достаточно чётко сформулирована её задача: «...уничтожение податной сословности и отмена подушной подати с понижением всякого рода сборов и повинностей, лежащих на крестьянах, до размера, соответствующего их платёжным силам».

В 1862 году был разработан проект отмены подушной подати и замены её всеобщим поземельным налогом. Однако он был признан министерством финансов «чрезмерным», хотя на самом деле не разрушал сословный характер обложения.

В том же году управляющим министерством финансов был назначен выходец из древнего лифляндского дворянского рода Михаил Христофорович Рейтерн, деятельность которого положила начало реформированию российской податной системы. После окончания в 1839 году Царскосельского лицея он начал службу в Министерстве финансов, а в 1855 – 1858 годах в числе нескольких высокопоставленных чиновников был по предложению Комитета финансов командирован для ознакомления с бюджетным делом за границу – в США и развитые европейские страны. По возвращении Рейтерн выступил в прессе рядом специальных статей, в которых, касаясь остроты финансового кризиса, настаивал на принятии решительных и последовательных мер. Рейтерн предлагал сократить армию и флот и резко снизить государственные расходы на содержание аппарата управления. В области налогового дела он считал необходимыми отмену питейных откупов и преобразование податной системы на основе подоходности. Для этого предусматривалось введение налогов на помещичьи земли, недвижимую в городах, обеспечение более справедливой раскладки гильдейских сборов за право торгово-промышленной деятельности, обложение гербовой пошлиной тех коммерческих сделок, которые ранее были от неё освобождены.

Первыми серьёзными мерами Рейтерна в деле преобразования системы прямых налогов стали отмена подушной подати с мещан, замена её налогом на городские недвижимые имущества, а также гильдейская реформа.

Отмена в 1863 году подушной подати с мещан носила в значительной мере демонстративный характер и не была продиктована фискальными соображениями, так как доходы от сборов, вносимых мещанами, были не велики и их отмена не нанесла сколько-нибудь заметного ущерба казне. Взамен отменённой подати с мещан был установлен налог на городское недвижимое имущество (жилые дома, примыкающие к ним дворы и постройки, фабрики, заводы, бани, складочные места), а также пустопорожние земли, сады, огороды, оранжереи. Таким образом, налог этот являлся исключительно городским и одинаково распространялся на жилые и нежилые строения, на застроенную и незастроенную землю. Первоначально налог с городского недвижимого имущества не был распространён на Бессарабскую область и Сибирь, где начал взиматься, соответственно, с 1870 и 1873 годов.

До 1883 года общая сумма подомового налога не изменялась и приблизительно равнялась 0,2 % ценности городского недвижимого имущества, с 1884 года она неоднократно повышалась. Раскладка установленного по стране законодательным образом оклада налога переносилась на губернии в лице земских собраний, а затем на усмотрение городских дум или управ – органов местного самоуправления, которым предоставлялось право, исходя из особых обстоятельств, понижать оклад с отдельных недвижимостей, но с тем условием, чтобы сумма налога не была менее 25 к. По мнению специалистов, этот налог нуждался в более совершенных и однообразных правилах оценки и более рациональной методике определения объекта обложения, поскольку вследствие несовершенства городских оценок его ставка даже в пределах одного города являлась крайне неравномерной.

Новое «Положение о пошлинах за право торговли и промыслов» было обнародовано 1 января 1863 года и вступило в силу в 1865 году, оно положило начало изменениям в обложении торгово-промышленной деятельности. В целом гильдейские принципы деления предпринимателей сохранялись, обложение по-прежнему строилось не на подоходной основе, а на внешних признаках (патентная система). Наибольшие сдвиги произошли лишь в сфере правового регулирования предпринимательской деятельности. Положением 1865 года декларировалась полная свобода занятий торговлей и промышленностью при условии выборки промысловых свидетельств. Приобретение купеческих прав становилось доступным для всех желающих, располагавших соответственным капиталом. Отменялись крестьянские свидетельства (документы, аналогичные промысловым свидетельствам, но выдававшиеся лично несвободным крестьянам), зато введены были свидетельства на мещанские промыслы (предпринимательство в мелких масштабах). Таким образом, были смягчены слишком резкие ограничения, характерные для эпохи крепостного права. Сословная принадлежность стала зависеть исключительно от размаха торгово-промышленной деятельности: владельцы крупных торгово-промышленных предприятий автоматически становились купцами. Общий уровень обложения был снижен, а большинство сельских промыслов вообще освобождено от налогов.

Этим, в основном, и ограничиваются особенности нового законодательства. В системе и способах промыслового обложения в 1865 году сравнительно с 1824 годом не произошло никаких существенных изменений. Как и прежде, налог уплачивался посредством покупки гильдейского свидетельства (патента). Главную роль в определении разряда свидетельства играли два внешних фактора: способ или род торговли (оптовая, розничная или мелочная) и географические коэффициенты – разделение местностей на пять классов (кроме того, учитывалось число заведений, принадлежавших одному лицу или обществу, число помещений для торговых заведений и число рабочих для промышленных предприятий). Согласно закону («Положение о пошлинах за право торговли и промыслов» от 9 февраля 1865 года) налог взимался ежегодно в двух видах. Первый – в виде платы за свидетельство на право производства торговли или промысла. Свидетельства были трёх основных типов – первой гильдии, второй гильдии и на мелочный торг (в коммерции – в целом соответствовали уровням оптовой, розничной и мелочной торговли). К первой гильдии причислялись по закону все наиболее крупные заведения – банкирские и комиссионерские дома, акционерные общества и товарищества на паях, а также предприятия, заключавшие подряды и поставки на сумму свыше 15 тыс. р. Второй – в виде платы за билеты на торговые и промышленные заведения.

Ни размеры торговых или промышленных оборотов, указывающие на объём и силу предприятия, ни относительная их прибыльность, ни сумма вложенного основного капитала в расчёт не принимались. Недостатком такой системы была крайняя неравномерность обложения, при которой некрупные предприниматели несли одинаковое бремя налогов с более крупными. Это ущемляло интересы как значительной части капиталистов, так и казны, неспособной получать налоги со значительных капиталов.

Если изменения в системе прямых налогов были достаточно заметны в российском городе, то в деревне дело обстояло иначе. Подушная подать с крестьян, действовавшая в течение полутора веков, оставалась неизменной. Рейтерн считал, что в аграрной стране, где главным плательщиком прямых налогов являлось крестьянство, во избежание расстройств финансовой системы необходимо «ограничиться теми мерами, которые облегчили бы слишком обременённую часть крестьянских сословий и вместе с тем приблизили бы время, когда осуществление общей реформы прямых податей окажется возможным». Исходя из этого, он предложил оставить общую сумму прямых налогов с крестьян без изменений, осуществить новую перепись населения и предоставить перераспределение подушных сборов между уездами губернским земским собраниям, а между селениями – уездным.

В 1863 и 1867 годах для достижения «некоторого соответствия подушной подати имущественным условиям плательщиков» взамен однообразного обложения ревизских душ была установлена шкала окладов, учитывавшая до известной степени местные условия. Кроме того, в 1865 году было принято постановление не взимать подушной подати с «неспособных к работе дворовых людей», в 1869 году была отменена круговая порука при уплате прямых налогов для селений, насчитывавших менее 40 ревизских душ, а в 1875 году эти общества освобождались от платежа за поступивших в военную службу, умерших, неспособных к работе по увечью, старости или болезни. Меры эти были продиктованы ростом недоимок, которые становились непосильными для небольших селений: если в среднем по России на каждую работоспособную мужскую душу приходилось по два душевых оклада, то здесь число окладов достигало четырёх–пяти. Это означало, что при среднем душевом окладе по империи в 2 р. 26 к., в этих селениях на одного работника могло причитаться до 11 р. 30 к., а при высшем окладе в 4 р. 53 к. – до 22 р. 65 к. одной подушной подати, не считая тяжести мирских сборов.

Осознавая необходимость изменений и рассматривая проекты отмены подушных сборов, правительство одновременно повышало их оклады. В частности, в 1862 году были повышены душевые оклады по среднему вычислению на 0,9 %, что должно было дать казне дополнительно 1 млн. р. В декабре 1862 года был введён «временный», только на 1863 год, сбор в среднем исчислении по 25 к. на душу, что увеличило общий размер подушной подати ещё на 6 млн. р. Как это часто случалось в российской налоговой практике, временный сбор стал постоянным, а в 1867 году оклад был повышен дополнительно на 50 к. с души, что принесло казне 10 млн. р. С 1867 года до отмены в 1887 году подушной подати с крестьян изменения окладов больше не проводились.

Последним изменением в области прямых налогов, осуществлённым в период руководства Рейтерном министерством финансов, было введение в 1875 году государственного поземельного налога, которому подлежали как общинные, так и частновладельческие земли. В истории России земельный налог являлся самой старой формой обложения, известной ещё в Киевской Руси и распространённой в период средневековья в виде посошной подати. Однако с переходом в конце XVIII века

от поземельной системы сбора налогов к подворной посолонная подать начинает терять своё значение, а в царствование Петра I вовсе исчезает, уступив своё место подушному налогу. С тех пор вплоть до второй половины XIX века Россия не знала поземельного налога. Вновь он был возрождён в 1853 году под названием государственного земского сбора, облагавшего в пользу земств все, как заселённые, так и незаселённые земли. И лишь в 1875 году эти поступления, переименованные в государственный поземельный налог, стали направляться в государственный, а не местный бюджет. Налогом облагались все земли, кроме казённых. Общая сумма с каждой губернии определялась путём умножения количества облагаемой земли на средний с одной десятины оклад, установленный в законодательном порядке. В 1884 году величина этих окладов колебалась от 1 до 4 к. в северных губерниях (Олонецкая, Архангельская), до 17 к. в южных черноземных (Курская). Сумма налога, назначенная на губернию, распределялась между уездами губернским земским собранием соответственно количеству или доходности земли каждого уезда, а в пределах последнего развёрстывалась между отдельными владельцами уездной земской управой. С крестьян этот налог взимался по душевому принципу и, составляя в среднем 50 к. с души, давал казне около 13 млн. р.

Изменения в системе прямых сборов не отличались финансовой эффективностью, являясь своеобразным вектором направления курса правительства в области податной реформы, свидетельством о его намерениях. Самые же существенные с точки зрения увеличения налоговых поступлений преобразования состоялись в области косвенных налогов. Главное из них – замена винных откупов акцизом, было достигнуто в результате острой борьбы сторонников старого и нового начала. Ещё при предшественнике Рейтерна А.М. Княжевиче в 1859 году вопрос об откупах обсуждался в Государственном Совете, большинство членов которого высказалось в пользу акциза. На следующий год по решению Государственного Совета была создана специальная комиссия во главе с либеральным деятелем А.П. Заблоцким-Десятовским, состоящая из чиновников министерства финансов и винокурных заводчиков, которая и подготовила основные положения реформы. Однако решение об отмене откупов откладывалось усилиями влиятельной группы откупщиков, убедившей министерство финансов в необходимости рассмотреть сформулированную ими альтернативную программу. Суть её состояла в следующем. Откупщики должны были продолжать сбор акциза со спиртных напитков на территории всей страны и одновременно брали на себя перед правительством обязательство построить разветвлённую сеть железных дорог протяжённостью около 2800 вёрст. Это предложение летом 1862 года было опубликовано в газетах и стало достоянием гласности. Однако после того, как министерство финансов возглавил М.Х. Рейтерн, который посоветовал императору отклонить проект откупщиков, участь питейного налога была, наконец, решена.

В 1863 году в великорусских губерниях была отменена система откупов, а в землях, пользовавшихся привилегиями (губернии Царства Польского, Малороссии и Белоруссии), покончено с остатками «пропинационного права» (право свободного изготовления и продажи вина), в результате чего правительственный контроль за торговлей вином утвердился на всей территории империи. Акциз составлял 4 р. за каждое ведро чистого спирта, что соответствовало 1,6 р. за ведро (12,3 л) стандартной 40 % водки. Отмена откупов прошла без неблагоприятных последствий для финансов, что подтверждало высказывавшиеся правительством мысли о негативной роли этой патриархальной формы сбора налога. Более того, уже в первый (1863) год действия акцизной системы питейные доходы казны составили 138 против 126 млн. р., полученных от откупщиков в 1862 году. Питейные доходы имели тенденцию к возрастанию и в дальнейшем.

К числу малозаметных перемен, имевших, тем не менее, существенное значение с точки зрения фиска, следует отнести и другие преобразования в косвенном обложении. В 1862 году было объявлено о прекращении казённой добычи и продажи соли. Государственные соляные источники передавались в частные руки, торговля солью становилась свободной, а соляной доход облагался акцизом. Начиная с 1860 года, удельный вес косвенных налогов в бюджетных доходах стал быстро возрастать и опережать поступления прямых податей, произошло значительное повышение акцизов на сахар и табак. В 1880 году акциз с сахара достиг 4,2 млн. р. против 334 тыс. в 1856 году. Значительно увеличился и доход от обложения табака, достигнув, соответственно, 2,5 млн. р. против 151 тыс., причём в 1871 году табачный Устав был распространён на Сибирь и Царство Польское, а в 1877 году обложение распространено на махорку, до этого времени употреблявшуюся в нефабрикованном виде и не подлежащую акцизу.

Сугубо фискальными соображениями были продиктованы и такие меры правительства, как принятие в 1874 году нового Устава о гербовом сборе, установление сбора со страхований, с пассажирских билетов и грузов большой скорости (с 1879 года). Последняя мера – налог на пассажиров в размере 25 % с цены билетов 1 и 2 класса и 15 % с цены билетов 3 класса, взимание 25 % за провоз пассажирского багажа и товаров большой скорости – вызывала многочисленные нарекания специалистов в области теории и практики финансового дела. Введение этого налога повело к увеличению числа пассажиров третьего класса и убыли первого и второго, что поначалу послужило причиной недобора выручки от пассажирского движения для многих железнодорожных линий.

Перемены в податной системе требовали создания более эффективного налогового аппарата, как в центре, так и на местах. Сосредоточение прямых и косвенных налогов (по официальной терминологии – окладных и неокладных сборов) в одном Департаменте разных податей и сборов министерства финансов становилось малооправданным, поскольку происходила дифференциация прямых и косвенных налогов (о чём свидетельствовали отмена откупов, изменение системы взимания соляного дохода, введение акцизов с сахара и табака).

Вместе с тем некоторые службы налогового дела были рассредоточены по разным ведомствам. Так, заведование соляным доходом оставалось по-прежнему в ведении Департамента горных и соляных дел, что с введением соляного акциза и с постепенным упразднением казённого управления теряло смысл.

Заведование прямыми налогами также оставалось несовершенным. Сборы подушные, податные и поземельные находились в ведении Департамента разных податей и сборов (который также заведовал ревизской частью и промысловым налогом), тогда как сношения о своевременном поступлении, взыскании недоимок проходили по Департаменту государственного казначейства.

Преобразования начались в 1863 году, когда по закону 15 апреля соляная часть была присоединена к Департаменту разных податей и сборов. Затем последний был разделён на два самостоятельных Департамента – окладных и неокладных сборов. Первый заведовал податями, земскими повинностями, ревизской частью и сбором промыслового налога, а также принял

на себя дела Государственного казначейства по наблюдению за поступлением податей и взысканием недоимок; второй – акцизами с питей и соли, а также гербовыми, крепостными, канцелярскими и прочими неокладными сборами. Годом позже состоялась передача из Департамента окладных сборов в Департамент мануфактур и внутренней торговли всего делопроизводства, касавшегося выдачи свидетельств на право торговли и промышленности и поступления за них в казну соответствующего сбора. И, наконец, ещё одно учреждение финансового ведомства, связанное с податным делом – Департамент внешней торговли, был переименован в Департамент таможенных сборов.

Департамент окладных сборов был образован в 1863 году из нескольких существовавших ранее структур – первого Отделения Департамента разных податей и сборов и Управления земскими повинностями Департамента государственного казначейства. На него возлагались функции заведования податями, сбором промыслового налога, земскими повинностями, ревизской частью, наблюдения за поступлением податей и взысканием недоимок. Согласно нормативным предписаниям Департамент окладных сборов был образован в составе пяти отделений: два распорядительных отделения для составления смет и раскладок земских повинностей и переписки по этим делам; контрольное отделение для ревизии годовых контрольных отчётов Казённых палат, составления отчётов для Государственного контроля и соответствующей переписки; бухгалтерское отделение для ревизии ежемесячных ведомостей Казённых палат о наличных суммах, сборах, расходах земских повинностей, внесения этих ведомостей в бухгалтерский отчёт, составления из них таблиц, генеральных счетов и соответствующей переписки; ревизское отделение, в котором сосредоточены ревизская часть вообще, перечисление лиц податного сословия к окладам, исключение из них, рассмотрение вопросов относительно платежа податей различными сословиями, взыскание гильдейских повинностей, предоставление налоговых льгот, а также вопросы награждений перемещений по службе сотрудников департамента и чиновников казённых палат.

Не менее существенные организационные изменения произошли в системе местного налогового управления. В дополнение к Казённым палатам были организованы губернские окружные акцизные управления. Основные принципы их деятельности были сформулированы в принятом в 1861 году Положении о питейном сборе, согласно которому в каждой губернии или области учреждались акцизные управления, а в уездах (одном или нескольких) подчинённые им окружные акцизные управления. Губернское управление состояло из управляющего, его помощника, ревизоров и канцелярии, окружное – из надзирателя и его помощников, которые следили за выделенными им участками. Губернское акцизное управление подчинялось непосредственно министерству финансов, главе же местной исполнительной власти – губернатору предоставлялись лишь самые общие, без права вмешательства в хозяйственные распоряжения, полномочия и обязанность по требованиям должностных лиц акцизного управления оказывать содействие со стороны полиции. На последнюю возлагалось также наблюдение за исполнением правил Положения о питейном сборе, но в области надзора за поступлением налога её деятельность была строго ограничена рамками специальной инструкции министерства финансов. Дальнейшие изменения в организации акцизного управления состояли в последовательном объединении под его контролем управления всеми остальными акцизными сборами.

Эти перемены повлекли изменение полномочий казённых палат, деятельность которых стала ограничиваться главным образом поступлениями прямых (окладных) налогов. В их составе после учреждения акцизных управлений были упразднены питейные и соляные отделения. Деятельность казённых палат отныне состояла в исполнении следующих основных обязанностей: распоряжения по взиманию государственных доходов и производству расходов (счетоводство и отчётность, наблюдение за поступлением недоимок), наблюдение за правильным поступлением сборов за право торговли и промыслов (в том числе и наложение штрафов) и, наконец, счёт народонаселения и заведование рекрутской повинностью. Законом 23 мая 1866 года о преобразовании казённых палат и изменении их штатов в них выделялись три подразделения: казначейское, ревизское отделение и канцелярия. В последней были сосредоточены все дела, в том числе и по взысканиям за нарушения правил о торговле, которые не входили в пределы ведения отделений. Для контроля над промышленностью и торговлей, а также деятельностью уездных казначейств учреждались должности старших и младших чиновников особых поручений. Казённая палата по закону 1866 года получала значение самостоятельного финансового учреждения. Надзор прокуратуры отныне упразднялся, резко ограничивались возможности вмешательства в сферы деятельности казённой палаты со стороны губернатора.

На рубеже 1860-х и 1870-х годов система местных налоговых учреждений на всей территории страны была в значительной степени унифицирована. С этого времени казённые палаты учреждались в Туркестанском крае, а финансовые управления Царства Польского и Закавказского края, имевшие прежде региональные особенности, строились теперь на общих для всей империи основаниях.

1.3. РАСПАД СИСТЕМЫ СЕРЕБРЯНОГО МОНОМЕТАЛЛИЗМА

Так сложилось, что в истории системы денежного обращения Российской империи в XVIII–XIX веках благоприятные периоды случались довольно таки редко, уступая времени хронических расстройств. Периодически повторяющиеся, и при этом довольно продолжительные, катаклизмы в денежном хозяйстве являлись своего рода индикатором состояния всей системы государственных финансов. Она, будучи органичным элементом феодально-крепостнического в своей основе хозяйства страны, в XIX веке уже явно не соответствовала масштабности задач модернизации государства и социума, внешнеполитическим амбициям и проектам правящей элиты империи. Нередко именно последние становились катализатором кризисных явлений в экономике страны. Денежное обращение, являясь самым чувствительным её нервом, в первую очередь реагировало на негативные импульсы извне и внутренние диспропорции, зачастую усугубляя кризисы и замедляя выздоровление народного хозяйства.

Министру финансов Е.Ф. Канкрину в ходе денежной реформы 1839 – 1843 годов путём девальвации бумажного рубля почти на 2/3 удалось восстановить систему серебряного монетализма в России. Основу её составило обращение серебряных монет и бумажных денег – кредитных билетов, взаимоконвертируемых по номиналу. Официальной денежной единицей признавался в соответствии с Манифестами от 1 июля 1839 года и 1 июня 1843 года серебряный рубль, становившийся и главным платёжным средством. Кредитные билеты наделялись качествами вспомогательного средства платежа и в обороте

выступали представителями, символами рубля серебряного. Паритет кредитного бумажного рубля с серебряным обеспечивался свободным обменом кредитных билетов на монету, аккумулярованную в рамках специального разменного фонда. Соотношение разменного фонда к общему количеству кредитных билетов, выпущенных вместо прежних ассигнаций, устанавливалось в соответствии с Положением в Манифесте от 1 июля 1843 года на уровне 1 : 6, то есть, каждые шесть рублей кредитными билетами, находящимся в обращении, обеспечивались одним рублём серебром, хранившимся в разменном фонде. Однако при этом все новые кредитные билеты должны были выпускаться не иначе как под полное обеспечение серебром. Их эмиссия осуществлялась только в случае внесения в кассы разменного фонда аналогичной суммы серебряной или золотой монетой. Таким образом, осуществлялось депонирование монеты, а вносители её получали денежные знаки, являющиеся символами в обороте.

Монетарная система, созданная Е.Ф. Канкриным, просуществовала в течение чуть более десяти лет. Тем не менее, на протяжении этого периода за счёт разумной и осторожной финансовой политики, завещанной своим преемникам на посту главы финансового ведомства графом Канкриным, удавалось поддерживать свободный обмен кредитных билетов на серебро, и тем самым стабильность всего денежного хозяйства империи. Более того, уровень доверия к бумажным деньгам был столь высок, что обеспечивал почти непрерывный приток серебряной и золотой монеты в разменный фонд. К 1853 году при общем количестве находившихся в обращении кредитных билетов в 330,7 млн. р. разменный фонд достиг размера в 161 млн. р., что означало покрытие бумажных денег почти на половину. Однако денежная система Российской империи не выдержала испытания Крымской войной, после которой в стране и началась эпоха неразменного бумажно-денежного обращения, продолжавшаяся вплоть до 1895 года.

Впрочем, несмотря на внешнюю, казалось бы, незыблемость системы серебряного монометаллизма, детище Е.Ф. Канкринина начало давать сбои ещё до начала Крымской войны. Связано это было с тем, что существующая денежная система, провозглашая официальной денежной единицей серебряный рубль, допускала чеканку и обращение наряду с серебряной и золотой монеты полуимпериалов (5 р.) и империалов (10 р.). Золото и серебро имели, безусловно, разную ценность, поэтому, чтобы обеспечить интеграцию золотых монет в систему серебряного монометаллизма, их лишили собственной ценности. Империалы и полуимпериалы были привязаны к серебру, и это означало, что золота в них было приблизительно столько, сколько его можно было купить на 5 и 10 р. серебром или кредитными билетами. При этом очень важно было обеспечить полное соответствие внутреннего соотношения стоимости золота и серебра международному. А это условие в России в этот период соблюдено не было.

Манифест от 1 июня 1839 года устанавливал 3 % лаж (курсовая разница) на золотую монету. За золотой империал давали 10 р. 30 к., а за полуимпериал 5 р. 15 к. серебром или кредитными билетами. Это означало, что установившееся законное соотношение ценности золота и серебра 1 : 15,45, в то время как международное соотношение составляло 1 : 15,33. Таким образом, во внутреннем обращении, в сравнении с международным, золото оказалось переоценено, а серебро, напротив, – недооценено. В условиях свободного трансграничного движения благородных металлов подобная ситуация создавала все условия для включения в действие закона денежного обращения, открытие которого традиционно приписывают английскому государственному деятелю XVI века Томасу Грэшему. Он гласил, что «худшие деньги вытесняют лучшие». Применительно к создавшейся ситуации его можно было бы сформулировать как «дешёвые деньги вытесняют более дорогие». На практике отклонение курса золота к серебру от международного делало исключительно выгодным обмен золотых монет и бумажных денег на серебряные и использование последних для помещения и сохранения своих активов или для отправки за границу, туда, где серебро оценивалось дороже. Неслучайно, что вследствие этого перед Крымской войной кредитные билеты конвертировались в разменных кассах в основном на золотую монету. В результате в начале 1850-х годов золото постепенно в крупных и средних платежах начинало вымываться из обращения полноценную серебряную монету.

В данном контексте, по всей видимости, следует расценивать законодательное запрещение вывоза серебра в слитках, иностранной и русской монете за границу, в частности в Китай. Это было своего рода реакцией финансового ведомства Российской империи на чистый отток серебра по внешней торговле с азиатскими государствами. В денежном обращении последних господствовала серебряная монета, вследствие чего русским фабрикантам было исключительно выгодно форсировать импорт азиатского хлопка, шёлка, пряностей и т.д.

И всё же точку в истории серебряного монометаллизма в России поставила именно Крымская война. Она моментально разрушила одно из главных достижений финансовой политики Е. Ф. Канкринина на протяжении предшествующих десятилетий – сбалансированный бюджет. Военные расходы государства резко возросли, достигнув астрономической цифры в 528 млн. р. Общий дефицит государственного бюджета, вызванный чрезвычайными расходами, превысил 700 млн. р. Традиционным способом финансирования дефицита бюджета являлось наращивание государственного долга. В начале войны был заключён пятый 5 %-ный заём за границей. Высота процента отражала то обстоятельство, что в условиях крайне низкого спроса на заграничных биржах на русские государственные фонды приходилось назначить для их реализации довольно высокий уровень доходности, приносимый владельцам. Тем более самые ёмкие денежные рынки Европы – английский и французский для русского государственного кредита были закрыты, поскольку Великобритания и Франция участвовали в войне против России. Финансовое ведомство России прибегло и к внутреннему займу – в течение войны осуществлялся выпуск так называемых серий – билетов государственного казначейства. Специфика этого долгового инструмента заключалась в том, что, фактически являясь облигациями государственного займа, юридически они таковыми не признавались. Казначейские билеты, принося их владельцу доход в виде установленного процента, могли быть использованы для расчётов с казной – для погашения налоговых обязательств к примеру, то есть им придавались определённые качества средства платежа, что давало затем основание некоторым экономистам говорить о них как о приносящих процентный доход бумажных деньгах.

Однако, несмотря на все условия правительства, решить проблему дефицитности бюджета с помощью займов не удалось. Всего в ходе войны удалось привлечь таким образом 106,9 млн. р. Величина дефицита была такова, что помочь не могли и заимствования из такого надёжного источника, как государственные кредитные учреждения. Государство в дореформенной России монополизировало банковскую деятельность, в силу чего государственные банки концентрировали большую часть сбережений подданных империи, не обращённых в ценные бумаги, русские или иностранные.

Для казначейства это было весьма удобно, поскольку позволяло занимать очень быстро, надёжно и под умеренный процент. При заимствованиях из государственных кредитных учреждений конъюнктура денежного рынка не могла существенно нарушить планы государственных финансовых органов.

Неэффективность обычных методов финансирования бюджетных дефицитов заставила прибегнуть к мерам экстраординарным, а именно – к использованию эмиссионного права. Существенной особенностью финансового строя Российской империи, в сравнении с иными европейскими странами, являлась власть государства над эмиссионным механизмом. В России не существовало центрального эмиссионного банка, заведывание выпуском кредитных билетов в обращение осуществляла Экспедиция кредитных билетов, непосредственно подчинённая министерству финансов. В капиталистических европейских державах эти обязанности возлагались, как правило, на негосударственные эмиссионные банки, которым правительство предоставляло право эмиссии банковских билетов – банкнот, свободно размениваемых на монету из драгоценного металла. Отвечая за стабильность денежного обращения, центральные банки соотносили размеры выпуска наличных денег с потребностями денежного оборота и размером обеспечения. Финансовые ведомства стремились в первую очередь к поддержанию устойчивости государственного бюджета и покрытию возможных его дефицитов. Определённая степень самостоятельности эмиссионных банков в Западной Европе по отношению к органам исполнительной власти не давала последним возможности произвольно прибегать к такому способу финансирования дефицита государственного бюджета, как привлечение кредитов центральных банков, которые вынуждались монетизировать государственный долг, то есть увеличивать объём денежной массы. Такой порядок взаимоотношений между финансовым управлением и эмиссионным банком позволял не опасаться за состояние денежного обращения всякий раз, когда в бюджете возникали проблемы.

В Российской империи подобные институциональные ограничения отсутствовали. Министерство финансов отвечало и за состояние государственного бюджета, и фактически организовывало через Экспедицию кредитных билетов денежное обращение. Существовавшее законодательство, в частности Манифест от 1 июня 1843 года, ставило эмиссионную деятельность в определённые рамки, однако, самодержавная форма правления, характеризующаяся максимальной концентрацией властных прерогатив в руках монарха, отсутствие политических институтов, контролирующих деятельность исполнительных органов, в том числе в финансовой сфере, самостоятельного эмиссионного учреждения существенно девальвировали действия таких формальных ограничителей. В резерве министерства финансов всегда оставался такой инструмент, как печатный станок, тем более, что традиции использования бумажно-кредитного обращения для удовлетворения фискальных потребностей государства были весьма устоявшимися. Правительства и Екатерины II, и Павла I, и Александра I использовали бумажные деньги для финансирования всё возрастающих государственных расходов. Имея в виду это обстоятельство, будущий министр финансов империи профессор Н.Х. Бунге сурово порицал в своих работах графа Канкрин за то, что последний, располагая возможностью в 1839 – 1843 годах передать эмиссионное право специальному кредитному учреждению и ввести тем самым в России обращение полноценных банковских билетов, ею не воспользовался.

Мнение министерства финансов о необходимости погашения чрезвычайных расходов, вызванных войной, за счёт выпуска новых кредитных билетов было санкционировано императором Николаем I 10 января 1855 года и стало законом. Указ обосновывал необходимость эмиссии новых кредитных билетов нежеланием усилить тягость налогообложения и предоставлял министру финансов в случае действительной на то необходимости с разрешения царя осуществлять выпуски бумажных денег. Устанавливалось, что они носят временный характер, и через три года после заключения мира министерство финансов должно было принять меры к извлечению из обращения временно выпущенных кредитных билетов. На казначейство возлагалась обязанность вносить в разменный фонд при каждом новом выпуске кредитных билетов звонкую монету в размере 1/6 выпуска. Тем самым нарушалось требование действующего законодательства об обеспечении вновь выпускаемых кредитных билетов монетой не иначе как 1 : 1. Соответственно, эмиссия бумажных денег на таких условиях способствовала резкому сокращению металлического покрытия всей массы обращающихся бумажных денег. В 1855–1856 годах было выпущено кредитных билетов на сумму в 333 млн. р. Наполнение каналов денежного обращения новыми выпусками бумажных денег существенно осложнило свободный обмен кредитных билетов на монету и способствовало развитию и укоренению такого явления, как лаж на золотую и серебряную монету – падение цены кредитных билетов, по отношению к звонкой монете.

Как мы уже видели, с 1843 года существовал узаконенный 3 % лаж серебром и бумажными деньгами на золотую монету, который повлек за собой усиленный отток серебра в Азию и запрет на его вывоз. Незначительные отклонения от него наблюдались в 1848–1849 годах – в период революционных выступлений в странах Западной и Центральной Европы, в подавлении которых участвовала и Российская империя. Тогда его причиной являлась политическая нестабильность, на которую население реагировало усиленным востребованием монеты из разменного фонда. Явление это было непродолжительным и прекратилось после того, как революционная волна сошла на нет.

Однако колебания ценности бумажных денег, которые стали регистрироваться с начала 1854 года, приняли более серьёзный характер. Вызваны они были опасением населения, что начавшаяся война повлечёт за собой прекращение размена кредитных билетов, потерю сбережений и дороговизну на предметы первой необходимости. Надо заметить – ожидания эти вовсе не были беспочвенными. Уже в феврале 1853 года министерство финансов ввело определённые ограничения на обмен кредитных билетов. Экспедиция кредитных билетов предписывалось выдавать золотом в одни руки не более 1/4 обмениваемой суммы, но в любом случае не свыше 2000 полуимпериалов. С марта 1853 года одному лицу не могло быть обмениваемо кредитных билетов более чем на 25 000 рублей звонкой монетой без особого на то разрешения. В феврале 1854 года последовал указ о запрещении вывоза золота за границу.

Подобные события почти моментально отразились на состоянии так называемого вексельного курса российского рубля, который, понизившись, потянул за собой и внутренний курс бумажного рубля по отношению к звонкой монете. Чтобы понять взаимосвязь между вексельным курсом рубля и лажем необходимо обратиться к анализу существующего тогда механизма международных расчётов.

Первоначально расчёты по внешнеторговым операциям осуществлялись посредством пересылки благородных металлов в слитках или монете. Однако подобный способ был чрезвычайно неудобен и связан с высокими издержками. Во-первых, контрагенты по сделке теряли проценты на суммы в металле за всё время пересылки, которое зачастую было довольно продолжительным; во-вторых, они несли немалый риск, связанный с возможностью гибели или пропажи имущества за время

пути. Поэтому, уже начиная с эпохи позднего средневековья, в международных расчётах стали использовать так называемые заграничные векселя – римессы и тратты. Вексель представляет собой ценную бумагу, удостоверяющую ничем не обусловленное обязательство векселедателя (простой вексель) или другого названного в нём плательщика (переводной вексель) выплатить по наступлении определённого срока зафиксированную сумму другому лицу (векселедержателю). К примеру, если русский предприниматель покупал что-либо в Великобритании, то вместо того, чтобы пересылать золотую монету за границу, он искал такое лицо в России, которому его английский контрагент был должен за поставленные товары. Русский экспортер, нуждаясь в наличных деньгах, мог, не дожидаясь их пересылки из Англии, выписать (трассировать) переводной вексель (тратту) на своего иностранного контрагента в фунтах стерлингов и продать его по существующему курсу русскому предпринимателю-импортеру английских товаров. Последний купленный вексель пересылал в счёт уплаты за поставленные товары своему британскому контрагенту. Русские экспортеры сразу же в уплату могли получить от зарубежных покупателей векселя, выписанные на их имя (римессы) и затем продавать их в России импортёрам по установившемуся курсу.

В XVIII – XIX веках движение заграничных векселей (девиз) в форме тратт и римесс практически полностью вытеснило из международного оборота монету. В силу этого курс одной денежной единицы по отношению к другой – валютный курс – именовался вексельным. Вексельный курс зависел от спроса и предложения векселей, обусловленного в свою очередь трансграничным движением товаров и услуг. Если страна имела пассивный торговый баланс, то есть её импорт превышал экспорт, естественно, что предложение векселей в иностранной валюте было меньшим в сравнении со спросом на них. Импортёры иностранной продукции, конкурируя между собой, вынуждены были предлагать за векселя экспортёрам большие суммы в отечественной валюте. Правда, в условиях существования металлических стандартов пределы движения валютных курсов ставились в жёсткие рамки. Они стремились к установленному содержанию благородного металла в национальных валютах. Если, к примеру, содержание чистого золота в одной валюте равнялось 1 г, а в другой 2 г, то паритет между ними должен был установиться на уровне 1 : 2. К нему и стремились валютные курсы. Их колебание, вызванное спросом и предложением векселей, происходило в рамках так называемых «золотых точек». Под ними понималась стоимость страховки и перевозки благородного металла за границу. Обычно эти расходы составляли до 2 % от стоимости пересылаемого металла. Поэтому и возможные колебания вексельного курса не выходили за рамки плюс или минус 2 % от валютного паритета. В противном случае было бы выгоднее переслать благородный металл.

Таким образом, вексельный курс российского рубля по отношению к британской валюте в 1853 году рассчитывался по следующей формуле: паритет серебряного рубля – 38,47 пенсов за рубль $\pm x\%$ (x – в зависимости от степени потребности в британских траттах и римессах для покрытия платежей в Англию, но как мы отметили не более 2 %) + средняя величина учётного процента, существующая в Лондоне, в пенсах. Последнее слагаемое нуждается в расшифровке. Под учётом понимается скидка по векселю, осуществляемая при его инкассации в банке до наступления предусмотренного им срока платежа. Ученье вексель означало произвести платёж по нему наличными деньгами за вычетом определённого процента за время, остающееся до срока платежа. Прибавка учётного процента, несколько повышавшая курс рубля по отношению к английской валюте, ограждала интересы русского покупателя английской тратты или римессы и его английского кредитора, поскольку, в противном случае, досрочное инкассирование векселя, то есть обращение его в наличные деньги, принесло бы им убыток как раз на среднюю величину учётного процента в месте платежа – в Лондоне. При покупке векселя, номинированного в фунтах стерлингов, за рубли величина учётного процента уже вычиталась из общей суммы платежа за вексель. Сосредоточением оживлённой торговли векселями являлись биржи, в частности, наиболее значительная и значимая среди них – Санкт-Петербургская. Иностранные девизы так же можно было приобрести в крупнейших портах, через которые наиболее интенсивно осуществлялась внешняя торговля. В Российской Империи это были Рига и Одесса.

При определении валютного паритета между российским рублём и британским фунтом стерлингов, равно как и другой золотой валютой, необходимо было учитывать тот факт, что рубль официально имел серебряное содержание. Для определения его отношения к золотой валюте приходилось высчитывать цену 405 долей чистого серебра, содержащегося в российском рубле, в соответствующей золотой денежной единице. Стабильность вексельного курса рубля в результате зависела и от торговой цены серебра в золотой валюте. В середине XIX века международное соотношение стоимости золота и серебра оставалось ещё достаточно стабильным.

Ограничения в размене кредитных билетов на звонкую монету и запрещение вывоза её уже в начале 1854 года способствовали резкому падению вексельного курса российского рубля.

В марте – мае 1854 года вексельный курс российского рубля упал почти на 14 % ниже существовавшего паритета по отношению к ведущим европейским валютам. Чуть позже он несколько возрос, однако на протяжении 1854–1855 годов обнаруживал крайнюю неустойчивость. Его колебания происходили в пределах столь значительных, что это было явно не характерно для металлических денег или бумажных, но вполне разменных на монету. Данное обстоятельство заставляет предположить, что в течение 1854 года негласно размен ассигнаций на звонкую монету был ещё более ограничен в сравнении с действующими предписаниями. Неустойчивость рубля в годы Крымской войны сократила и международный спрос на российскую валюту, точнее на векселя, номинированные в российских рублях. В международных расчётах даже российские купцы предпочитали требовать векселя в валюте, легко обратимой в звонкую монету.

Опасения полного прекращения размена ещё более усиливали ажиотажный спрос на золотую монету. И хотя размен кредитных билетов на металл, пусть и в крайне стеснённых размерах, осуществлялся по номиналу, в реальном обороте уже возникла курсовая разница между бумажными деньгами и звонкой монетой. Иначе и быть не могло, когда в международном обращении российский бумажный рубль оценивался дешевле, чем во внутреннем. Естественно, что русские фабриканты и купцы, импортируя продукцию из за рубежа, а затем, продавая её в России за бумажные деньги как за серебряные, рисковали оказаться в значительном убытке. Поэтому и стремились получить за импортный товар, прежде всего золотую или серебряную монету, либо бумажные кредитные билеты, но в большем количестве, сообразном их вексельному курсу. Ведь для новых покупок за рубежом, оплачиваемых иностранными девизами, ему требовались более значительные суммы в бумажных деньгах. Соответственно, цены на товары, выраженные в бумажной валюте, обнаруживали тенденцию к повышению.

Безусловно, особую роль в возникновении дороговизны и постепенном вытеснении звонкой монеты из обращения сыграл законодательный запрет на приём кредитных билетов в платежах с курсовой разницей по отношению к серебру. Это за-

прещение являлось действенным, когда существовала гарантированная возможность в любой момент разменять их по номиналу на серебряную монету. Коль скоро такая возможность стеснялась и делалась весьма прозрачной, владельцы серебряной монеты не спешили пускать её в оборот и использовать для платежей, предпочитая её сохранять. Если уж они и расставались с нею, то, как за весьма редкий предмет, предпочитали получать повышенное возмещение в кредитных билетах. Никакие запреты не могли заставить принимать в платежи кредитные билеты, утратившие часть своей международной ценности, по номинальному курсу в отношении металлических денег. Как показывает история, государство, сколь бы мощным административно-полицейским аппаратом оно не обладало, оказывалось не в состоянии полностью побороть чёрный рынок.

В конечном счёте, в действие вступали механизмы упомянутого нами закона Грэшема, и недооценённая монета быстро вытеснялась из обращения обесценивающимися кредитными билетами. Как отмечали современники, отнюдь не редким в этот период было такое явление, когда розничные торговцы предпочитали сбывать свои товары в кредит покупателям, лишь бы не давать сдачи разменной серебряной монетой на уплачиваемые кредитные билеты, либо выдавали её исключительно тяжеловесной медной монетой в больших количествах. В 1855 году в Казанской губернии регистрировались массовые случаи выплаты жалований медными деньгами.

Впрочем, правительственные круги не выражали серьёзной обеспокоенности возникновением лажа на звонкую монету и наметившимся ростом цен. Считалось, что явления эти вызваны чрезвычайными обстоятельствами военного времени и имеют преходящий характер. Тем не менее, Комитет финансов, рассматривая сложившуюся ситуацию в системе денежного обращения, счёл необходимым всё же предпринять ряд мер, направленных на предотвращение колебания курса кредитных билетов по отношению к металлу. Возникший довольно значительный лаж на золотую монету не считался опасным, поскольку мерилom ценности кредитного рубля в соответствии с действующими законами во внутреннем обращении и международных расчётах являлась серебряная монета. В силу этого предполагалось для поддержания доверия к кредитной валюте регулировать её курс по отношению именно к серебряной монете в направлении минимизации лажа. Мнение Комитета финансов было утверждено императором 26 декабря 1855 года. Пакет стабилизационных мер предусматривал максимальное сокращение обмена кредитных билетов на золотую монету при одновременном усилении выдачи монеты серебряной. Экспедиции кредитных билетов, её конторам, а также уездным казначействам предписывалось осуществлять конвертацию бумажных рублей в серебряные по номиналу с соблюдением требований закона относительно ограничений в суммах обмена. В случае необходимости считалось возможным проводить размен и сверх установленных лимитов, если это позволяло состояние металлической части разменного фонда. Кроме того, снимались ограничения на вывоз из страны иностранной серебряной монеты.

По мнению руководства финансового ведомства Российской империи, сумма этих мер должна была оказать позитивное воздействие на состояние вексельного курса российского рубля и снизить давление, оказываемое им на внутренний курс кредитной валюты по отношению к звонкой монете. Однако, несмотря на все усилия, добиться стабилизации денежного обращения не удалось. До окончания войны вексельный курс рубля понижался, а лаж на золотую и серебряную монету возрастал, хотя и не такими темпами, какими осуществлялись новые выпуски кредитных билетов. Вследствие интенсивности последних отношение металлической части разменного фонда к общему количеству находящихся в обращении кредитных билетов упало с 46,6 % в 1854 году до 26,9 % в 1856 году.

Тем не менее, расстройство денежного обращения ещё не казалось фатальным. Более того, представлялось, что по окончании войны удастся восстановить систему серебряного монометаллизма в её изначальном состоянии.

И, казалось, что хозяйственная конъюнктура, сложившаяся после окончания Крымской войны весной 1856 года, как нельзя больше соответствует этим радужным надеждам. В связи с подписанием Парижского мира и открытием западных границ Российской империи чрезвычайно оживился и значительно возрос российский экспорт. В 1856 году Россия имела устойчивое положительное сальдо внешнеторгового баланса, что повлекло за собой и рост вексельных курсов российского рубля. Уже в мае 1856 года русский рубль достиг паритета в отношении ведущих европейских валют, а в сравнении с французским франком чуть позже даже и превысил его. Таким образом, снизилось давление, которое оказывал снижающийся вексельный курс на величину лажа бумажными деньгами на звонкую монету и цены. К тому же оказалось, что сам лаж и дороговизна оказались не столь уж повсеместно распространёнными явлениями. Факты возникновения курсовой разницы и повышения цен наблюдались в Санкт-Петербурге и Москве, западных пограничных губерниях и ряде внутренних губерний. Увеличение лажа и дороговизна в западных губерниях были связаны с тем, что здесь довольно интенсивно осуществлялись внешнеторговые операции. Цены на импортируемую иностранную продукцию довольно чётко обнаруживали свою зависимость от состояния вексельного курса рубля и лажа. Обе столицы являлись центрами экономической жизни страны, к тому же имели наиболее многочисленное население. Естественно, здесь денежные обороты отличались наибольшей интенсивностью, в первую очередь чувствовались ограничения в размене бумажной валюты на металлическую монету, велика была доля импорта в объёме потребляемой продукции. Из внутренних губерний повышение цен затронуло лишь те, через которые осуществлялось интенсивное передвижение войск к театру боевых действий. Обесценивание кредитных билетов оказалось вызвано в них резким увеличением количества обращающихся денежных знаков, несоразмерным с обычной потребностью в них. Нередко лаж здесь исчезал после прохождения войск, когда интенсивность денежных оборотов возвращалась в прежнее русло. Там же, где выпуск новых кредитных билетов и военные расходы государства не затрагивали условий и характера хозяйственной деятельности населения, лаж был практически незаметен, либо не возникал вовсе. Население провинции также слабо отреагировало и на стеснения в размене кредитных билетов, возникшие в ходе войны. И до 1853 года осуществить размен крупных сумм в уездных казначействах не представлялось возможным, поэтому средняя величина сумм истребуемых из казначейств в золоте и серебре обычно не превышала 100 р., что не оказывало серьёзного воздействия на ценность бумажных денег и в военный период.

В целом, как отмечали экономисты-современники, цены в масштабах национального хозяйства оказались довольно консервативными и негибкими. Они не обнаруживали тенденцию к возрастанию соразмерно возникавшему лажу, то есть возрастали на величину меньшую в сравнении с падением ценности бумажной валюты. Особенно это относилось к ценам на продукцию отечественного производства, на формирование которых слабое влияние оказывал вексельный курс. Отсутствие

полного соответствия между лажем и ценами, сдерживающее развитие инфляционных тенденций, объяснялось, как это не парадоксально, общей экономической отсталостью Российской империи.

Отсутствие развитой транспортной системы – грунтовых и железных дорог замедляло развитие межрегионального обмена, в результате чего ценообразование в отношении большого количества товарных позиций регулировалось почти исключительно местным спросом и предложением. Даже возникавший лаж на звонкую монету определялся не состоянием вексельных курсов, получать оперативную информацию о движении которых на столичных биржах не представлялось возможным в провинции в силу указанной выше причины, а в основном местными обстоятельствами случайного характера.

Правительственные круги самодержавной России не воспользовались благоприятной экономической ситуацией, сложившейся после окончания Крымской войны, для минимизации негативного воздействия расстройств системы денежного обращения на народное хозяйство. Хотя глубинные факторы кризиса серебряного монометаллизма в России заключались в инфляционном финансировании дефицита государственного бюджета, порождённого военными расходами, крушение его в немалой мере было обусловлено и целым рядом просчётов, допущенных финансовым ведомством Российской империи во второй половине 1850-х годов.

По инициативе министерства финансов, принявшего повышение вексельного курса рубля в 1856 году за свидетельство выздоровления денежного хозяйства страны, в апреле 1857 года был принят указ, который отменял действие закона от 27 февраля 1854 года, запрещающего вывоз золотой монеты за границу.

Кроме того, Экспедиции кредитных билетов предписывалось обменивать кредитные билеты на золотую и серебряную монету без каких бы то ни было ограничений. Восстановление размена кредитной валюты на звонкую монету преследовало цель укрепить доверие населения к кредитным билетам и тем самым восстановить их нарицательную ценность. Однако в ближайшие месяцы истребование металлической монеты приобрело столь значительные размеры, что стало угрожать совершенным истощением разменного фонда. В частности, только до 5 мая 1857 года из его касс было выдано около 3 млн. р. золотом.

Столь ажиотажный спрос на звонкую монету объяснялся крайне неудачно выбранным временем для осуществления неограниченных разменных операций. В странах Западной Европы и США в 1857 году разразился очередной экономический кризис. Он сопровождался падением потребительского спроса, сокращением производства, банкротством многих банков и акционерных обществ. В денежно-кредитной сфере он сопровождался удорожанием кредита (возвышением ставок учётного процента) и дефляцией – сокращением денежных оборотов и, соответственно, уровня товарных цен. В связи с этим покупательная способность звонкой монеты за рубежом существенно возрастала.

Этим не преминули воспользоваться спекулянты. При открытии размена в апреле 1857 года они стали усиленно обменивать кредитные билеты на золотую и серебряную монету с тем, чтобы отправлять её за границу, туда, где она ценилась дороже, чем в России. Спекулянтов привлекала возможность извлечь огромную выгоду из повышения уровня процентных ставок в странах западной Европы путём предоставления звонкой монеты в заём иностранным предпринимателям либо покупки зарубежных фондов. Монета использовалась и для наращивания импорта зарубежной продукции, которая становилась дешевле. В результате уже 5 мая 1857 года министр финансов Брок был вынужден дать указание Экспедиции кредитных билетов об ограничении выдачи золотой монеты – её следовало выдавать из касс экспедиции на сумму не более 15 000 полуимпериалов в день и в любом случае не более 500 полуимпериалов в одни руки.

Вторым обстоятельством, обусловившим истребование монеты из разменного фонда, стало мероприятие министерства финансов, получившее название «изгнание вкладов». Дело в том, что значительно возросший в годы Крымской войны государственный спрос на многие виды товаров (продовольствие, обмундирование, строительные материалы, металлургическая продукция и другие), щедро оплачиваемый вновь выпускаемыми кредитными билетами, способствовал росту прибылей фабрикантов, торговцев и помещиков, связанных с поставками для нужд казны. Довольно значительную их долю они обращали в депозиты, размещаемые в государственных кредитных учреждениях. К 1857 году в последних накопилось свыше 180 млн. р. депозитов, не розданных в ссуды.

Естественно, что подобные их механическое накопление без производительного использования приносило казне чистые убытки. На эти вклады требовалось начислять проценты, между тем как они сами никакого дохода государственным банкам не приносили. Начисление и выплата процентов тяжким бременем ложилась на плечи казны, поскольку последняя, пользуясь неограниченным кредитом в государственных кредитных учреждениях, принимала на себя и обязательства последних перед вкладчиками. Чтобы сократить расходы по выплате процентов министерство финансов 20 июля 1857 года инициировало снижение ставок по вкладам с 4 до 3 %. Законодательство того времени допускало возможность одностороннего изменения ставок по вкладам кредитными организациями.

Понижение процентов повлекло за собой массовый возврат вкладов. Наличные кредитные билеты, получаемые из касс государственных банков, в огромных количествах предъявлялись к обмену на звонкую монету в кассы Экспедиции кредитных билетов. Монета использовалась главным образом для покупки русских государственных облигаций, которые приносили более высокий уровень процентного дохода – в 4 и 5 %. Закономерно, что владельцы денежных капиталов, чтобы максимизировать свой доход, предпочитали изымать вклады из государственных кредитных учреждений и обращать их на покупку более доходных русских государственных фондов, обращавшихся на заграничных биржах. К примеру, один из лондонских банкирских домов в эти дни получил поручение от своих русских клиентов разместить в российские облигации сумму в 40 000 фунтов стерлингов.

Возросший спрос на эти процентные бумаги толкал их цены вверх. Иностранцам держателям русских ценных бумаг становилось выгодно продавать их на Санкт-Петербургской бирже даже за кредитную валюту. Полученные суммы они обменивали на звонкую монету и вывозили.

Усиленный отток звонкой монеты за границу, начавшийся в 1857 году, спровоцировал понижение вексельных курсов российского рубля в этот и последующие годы. Это происходило несмотря на то, что в торговле с европейскими государствами Россия в 1857 – 1859 годах имела положительное сальдо торгового баланса в размере 26 млн. р. Казалось бы, спрос на российские векселя за рубежом и усиленное предложение иностранных девиз на русских биржах должны были способствовать повышению курса рубля по отношению к ведущим европейским валютам, однако этого не наблюдалось, более того,

регистрировалась противоположная ситуация. Спекулятивный отток монеты для покупки финансовых активов за рубежом (в течение указанных трёх лет по данным официальной статистики на сумму в 65 млн. р.) ухудшал общий платёжный баланс Российской империи, создавая дефицит звонкой монеты во внутреннем обращении и усиливая лаж на неё. Лаж в свою очередь оказывал негативное влияние и на состояние вексельных курсов.

Платёжный баланс Российской империи наряду со спекулятивным оттоком монеты за границу ухудшался и благодаря непомерным расходам русских путешественников за границей. По самым скромным оценкам русских экономистов того времени за рубеж в конце 1850-х годов могло переводиться до 7 млн. р. ежегодно. Это создавало дополнительное серьёзное давление на вексельный курс российского рубля.

Столкнувшись с устойчивым падением вексельного курса и возвышением лажа, министерство финансов, надеясь укрепить первый и минимизировать величину второго, прибегло к валютным интервенциям. Тогда эта операция именовалась трассировкой векселей. Сущность её сводилась к тому, что правительство продавало на Петербургской бирже за кредитные билеты иностранные векселя, частью покупаемые в России, частью приобретаемые за рубежом на звонкую монету. Таким образом, создавался искусственный спрос на кредитные билеты, что потенциально должно было способствовать стабилизации или даже повышению внешней и внутренней стоимости бумажного рубля. Валютные интервенции для поддержания вексельного курса российского рубля имели крайне противоречивые последствия. В 1857–1858 годах продажа иностранных векселей способствовала некоторому повышению валютного курса, в 1858 – 1861 годах, несмотря на интенсификацию интервенций (к примеру, с 1 мая по 1 ноября 1861 года на трассировку векселей было потрачено свыше 30,5 млн. р.), он обнаруживал неуклонную тенденцию к снижению. Между тем расходы, осуществлённые на поддержание слабеющего рубля, за этот период достигли колоссальной суммы в 81,5 млн. р. Эффект, достигнутый от трассировки, оказался явно не соразмерным тем расходам, которые было вынуждено понести государство.

В конечном счете, спекулятивный спрос на звонкую монету, порождённый «изгнанием вкладов», а также расходы министерства финансов на валютные интервенции катастрофически истощили металлический разменный фонд. К 1 января 1858 года его отношение к количеству эмитированных и обращающихся кредитных билетов составило 19,2 %. Опасаясь за его состояние, власть ещё более ужесточила процедуру конвертации бумажной валюты в звонкую монету. Указом от 16 мая 1858 года свободный размен кредитных билетов на золотую и серебряную монету для широких слоёв населения фактически прекращался. Монета после этого стала выдаваться в основном правительственным учреждениям для покрытия внешних платежей. Частные лица могли осуществить обмен лишь в исключительных случаях по специальным разрешениям.

Чрезмерный выпуск кредитных билетов в годы Крымской войны повлёк за собой не только падение вексельного курса и возникновение лажа на монету, но и развитие инфляционных тенденций в экономике. Механизм раскручивания инфляционной спирали развивался по следующему сценарию.

Государство, испытывая серьёзную потребность в разнообразной продукции как промышленного, так и потребительского характера, для удовлетворения потребностей армии и флота, расширяло её закупки в годы войны. Существенно возросший, в сравнении с периодом мирного времени, государственный спрос, к тому же обильно финансируемый выпущенными кредитными билетами, довольно заметно оживил деловую активность в стране. Поставщики продукции для нужд казны, а также подрядчики по государственным заказам, получая высокие прибыли от поставок и выполнения работ, также пускали значительные наличные средства в бумажной валюте в оборот, расширяя закупки сырья, наём рабочей силы, увеличивали вложения в основные фонды. Тем самым создавался дополнительный, производный от первоначальных государственных военных расходов, спрос на рынке труда, капитала, смежных товарных рынков. Доходы лиц, в той или иной мере связанных с государственными заказами, обнаруживали рост. Лучшим барометром состояния промышленности и внутренней торговли в России являлось положение дел на Нижегородской ярмарке. По свидетельству современников, ярмарки 1855 и 1856 годов были одними из наилучших: практически все привозимые товары находили быстрый сбыт, при этом торговля в кредит была вытеснена наличными платежами. Повсюду создавалось ощущение изобилия денег.

Однако внезапное и сильное промышленное оживление имело и оборотную сторону. Ставки заработной платы в отраслях, связанных с выполнением военных заказов и смежных с ними, существенно возросли, поднялись и цены, причём не только на промышленную продукцию, но и на потребительские товары. Дороговизна первоначально стала ощущаться лишь в наиболее крупных городах с момента торжеств по случаю коронации императора Александра II. В 1857–1858 годах повышение цен практически на все виды товаров стало затрагивать и провинциальные, периферийные районы империи.

Оказалось, что экономический подъём 1855 – 1858 годов в своей основе имел нездоровую инфляционную природу. Сказывалось влияние и такого фактора как поглощение военным производством капитала в его материальной форме. Военное производство, всё расширяясь, затрачивало большое количество ресурсов, отнимая их у отраслей, ориентированных на выпуск товаров потребительского и производственного назначений. Это было и неудивительно, поскольку огромные денежные суммы в кредитной валюте сосредотачивались именно у коммерсантов, связанных с казёнными заказами, и они могли предложить большую плату за факторы производства. Между тем, затраченный в военном производстве материальный капитал расходовался непроизводительно, фактически уничтожаясь, но не воспроизводясь. Он превращался лишь в денежную свою форму, в то время как накопленный народным хозяйством запас материального капитала стремительно исчерпывался. Большая часть прибылей, полученных торговцами и промышленниками от казённых заказов, аккумулировалась в государственных кредитных учреждениях.

По окончании войны такой фактор роста совокупного спроса, как государственные закупки, уже не мог иметь своего прежнего значения, однако коррекции общего уровня цен не произошло. Это свидетельствовало о том, что экономика феодально-крепостнической России приближалась к пределу использования своей ограниченной, в сравнении с передовыми капиталистическими державами Западной Европы, ресурсной базы. Естественно, подобное обстоятельство должно было повлечь за собой рост цен как на факторы производства, так и на готовую продукцию. Рост капитала в его денежной форме явно опережал воспроизводство его материальной составляющей. Между тем деловая активность по мере охлаждения государственных закупок не спадала. Этому способствовало и отмена в 1857 году запрета на учреждение акционерных обществ с крупными капиталами и «изгнание вкладов» в том же году. По мнению большинства ведущих специалистов в финансовой сфере, правительство в этот момент упустило отличную возможность привести в порядок денежное хозяйство и уменьшить

инфляционный навес над экономикой, создаваемый избыточной массой кредитных билетов, путём их консолидации. Последняя предполагала фондирование кредитных билетов, то есть превращения их из беспроцентного долга государственного казначейства в процентный. Кредитные билеты могли бы быть обращены в облигации, приносящие фиксированный доход, но не являющиеся средством платежа. Поскольку этого не было сделано, понижение процентов по банковским вкладам вытолкнуло кредитные билеты вновь в обращение. Использованы они были в том числе и для формирования уставного капитала вновь возникающих акционерных обществ.

Акционерная горячка 1857–1858 годов ещё более усилила инфляционные тенденции. Возникло большое количество предприятий, конкурировавших за ресурсы с уже существующими и разгонявших цены. Тот запас факторов производства, в том числе и капитала, которым располагала экономика, уже явно не соответствовал темпам акционерного учредительства. К тому же нередко оно оборачивалось биржевыми спекуляциями, поглощавшими огромные денежные капиталы. Укоренившаяся в годы искусственного подъёма привычка к получению лёгких денег, не исчезла и после войны. Теперь она проявлялась в стремлении многих коммерсантов учреждать акционерные компании зачастую лишь для вывода их акций на биржу и скорого обогащения на росте их курсов. Биржевые игры, привлекая всё большее количество спекулянтов, оттягивали значительные средства из реального сектора и обостряли проблемы многих промышленных предприятий с нехваткой оборотных капиталов.

В итоге, в 1859–1860 годах разразился экономический кризис. Значительное количество акционерных компаний, возникших в 1857–1858 годах, обанкротились. В монетарной сфере кризис проявился в инфляции и в возникновении такого явления, которое современники называли «безденежьем». Впоследствии, при господстве неразменных бумажных кредитных билетов, оно стало привычным для русского денежного хозяйства. Видимым проявлением «безденежья» стала нехватка денег для осуществления сделок, тем более для многих непонятная, что кредитных билетов в обращении находилось более чем на 700 млн. р. Истинные же причины безденежья, как это не парадоксально, крылись в чрезмерном разбухании бумажной денежной массы в предшествующие годы, обозначившемся разрыве между её объёмом и величиной товарной массы, усугубленном упадком производства в 1859–1860 годах, то есть в инфляции. Эмиссия необеспеченных кредитных билетов, как мы видели, повлекла за собой снижение вексельного курса российского рубля, возникновение и увеличение лажа на звонкую монету. Лаж, а также усиленный спрос на все виды факторов производства толкали цены вверх. Для осуществления оптовых, а затем и розничных оборотов требовались всё более значительные суммы. При неразвитости кредитной системы, отсутствии частных коммерческих банков платежи наличными деньгами решительно доминировали над безналичным оборотом. Высокий уровень спроса на деньги со стороны сделок, даже при некотором сокращении оборотов, при отсутствии условий для реализации механизма депозитного расширения денежной массы, ещё более усугублял потребность в деньгах. Между тем объём денежной массы оставался на прежнем уровне.

Более того, финансовое ведомство, опасаясь усугубления инфляционных тенденций, приняло решительные меры к сжатию денежной массы. Назначенный в 1858 году на должность министра финансов Княжевич выступил с рядом инициатив, направленных на сжатие денежного рынка. Во-первых, резко сокращалась выдача кредитов под залог помещичьих имений; во-вторых, министерство финансов осуществило выпуск долговых инструментов – 5 %-ных билетов, которые были использованы для обмена на ранее выпущенные билеты государственных кредитных учреждений, употребляемые в обороте как полноценные платёжные средства. Новые билеты погашались в течение 37 лет и не могли быть разменены по востребованию на кредитные билеты, что лишало их качества платёжного средства и делало обычной биржевой ценностью – ценной бумагой. Кроме того, на протяжении 1858 года из обращения было изъято во исполнение требований манифеста от 10 января 1855 года кредитных билетов на сумму в 90,6 млн. р., которые и были уничтожены. И хотя в 1859 – 1861 годах пришлось прибегнуть к выпуску дополнительных кредитных билетов для удовлетворения требований вкладчиков государственных кредитных учреждений в размере 68,9 млн. р., денежный рынок испытал довольно серьёзное сжатие.

Все эти меры правительства тормозили рост цен, однако не устраняли вовсе состояния «безденежья». Его остроту удавалось снижать в той мере, в которой финансовому ведомству удавалось тормозить рост цен. Жёсткая, ограничительная денежно-кредитная политика, имеющая антиинфляционные ориентиры, не усугубляла безденежье и в силу действия ещё одного эффекта, проявлявшего себя и в последующие периоды развития системы неразменных бумажных кредитных билетов. Так, усиление потребности в деньгах для совершения сделок заставляло коммерсантов в целях поддержания оборотов прибегать к привлечению кредитных ресурсов. Денежный рынок вследствие оттока банковских вкладов и жёсткой монетарной политики властей не мог удовлетворить весь возникающий спрос на ссудный капитал. Это создавало давление на денежный рынок и повышало уровень процентных ставок (в том числе и ставки ссудного процента). Возросшие ставки в свою очередь воздействовали на лаж в отношении звонкой монеты, повышая ценность кредитных билетов.

Снижающийся лаж создавал условия для понижения цен. Действие этого механизма объясняет, почему уровень товарных цен в рамках национального хозяйства не следовал строго за лажем, даже отставал от него. Вследствие этого и внутренняя покупательная способность рубля оказывалась выше, чем международная.

Всё же, несмотря на ужесточение денежно-кредитной политики, изъятие части выпущенных билетов, Княжевичу не удалось побороть инфляционных тенденций, а предпринимаемая им в продолжение мероприятий прежнего министра Брока трассировка векселей для поддержания вексельного курса поставила разменный фонд на грань полного истощения. К 1 января 1862 года его отношение к находящимся в обращении кредитным билетам упало до 11,2 %. Совокупность всех этих обстоятельств побудила Княжевича уйти в отставку.

Новый министр финансов Рейтерн после вступления в должность заявил о необходимости восстановления свободного размена кредитных билетов на звонкую монету.

Поскольку состояние металлической части разменного фонда, как мы уже видели, исключало подобную возможность, то он предложил принять меры к пополнению разменного фонда. Для этого предполагалось заключить внешний заем в звонкой монете. Сущность плана Рейтерна состояла в том, чтобы начать размен по определённому, заранее объявленному курсу, который затем должен был постепенно повышаться вплоть до восстановления нарицательной ценности бумажного рубля. По мысли Рейтерна, именно свободный размен по определённому курсу на золотую и серебряную монету должен был оказать воздействие на вексельный курс рубля в направлении его повышения. Рост последнего в конечном счёте повлёк бы за собой

и снижение лажа, и, что самое главное, укрепление доверия к кредитной валюте, которая по истечении некоторого времени смогла бы достигнуть паритета со звонкой монетой. Успех этого плана зависел в целом от того, насколько в первое время открытия размена кассы Государственного Банка, на который возлагалось проведение операции, смогли бы в полной мере удовлетворять требования о конвертации кредитных билетов в монету. Именно для этого предполагалось значительно усилить разменный фонд к началу операции.

Указом от 14 апреля 1862 года были утверждены итоги седьмого 5 %-ного займа, размещённого в Великобритании. Выручка от займа составила 15 млн. фунтов стерлингов или около 90 млн. р. звонкой монетой, которые в соответствии с предполагавшимся планом должны были быть переданы Государственному Банку. Однако этого условия соблюдено не было. Банк получил только 56 млн. р., оставшиеся 34 млн. р. были переданы Казначейству для финансирования дефицита государственного бюджета. Так, финансовые потребности государства сразу же поставили под вопрос успешность предполагавшейся операции.

Тем не менее, 1 мая 1862 года разменная операция была открыта. Первоначально для приёма и выдачи звонкой монеты были установлены следующие курсы: для золотого полуимпериала – 5 р. 70 к. кредитными билетами, для серебряного рубля – 110,5 к. кредитными билетами. Постепенно понижаясь каждый месяц на 3–4 копейки для полуимпериала и на ½ копейки для серебряного рубля, к 1 января 1864 года курс должен был достигнуть паритета между серебряным и кредитным рублём, а для золотого полуимпериала остановиться на отметке в 5 р. 15 к. кредитными билетами, то есть достигнуть предусмотренного законами 1839 – 1843 годов 3 %-ного лажа серебряными и кредитными билетами на золотую монету. Сначала ход операции внушал оптимизм. Внесение звонкой монеты в кассы Государственного Банка превышало её выдачу. Вексельный курс всецело стал определяться более высоким банковским курсом. Подобная ситуация длилась до конца 1862 года. Однако к ноябрю 1862 года оказалось, что успех разменной операции представлялся во многом иллюзорным. Заблаговременное объявление о понижении курсов стало одной из главных ошибок финансового ведомства, поскольку оно способствовало оживлению деятельности валютных спекулянтов. Последние при начале разменной операции усиленно вносили в кассы Государственного Банка звонкую монету и получали за неё кредитные билеты с тем, чтобы через определённый промежуток времени конвертировать бумажные рубли в золотую и серебряную монету по уже более высокому курсу, близкому к паритету. Подобный курсовой арбитраж приносил игрокам и спекулянтам более высокую норму прибыли, чем ссудные операции. К концу 1862 года они стали в массовом порядке завершать свои растянутые во времени операции и фиксировать прибыль, предъявляя кредитные билеты к обмену на звонкую монету.

Определённую роль в усилении истребования монеты из Государственного Банка сыграло искусственное повышение вексельного курса российского рубля в сравнении со сложившимся под влиянием торгового баланса накануне начала свободного размена. Повывившейся валютный курс сделал привлекательным импорт иностранных товаров, поскольку повышалась покупательная способность российского рубля в международной торговле, и, напротив, затруднил экспорт, потому что цена русских вывозных товаров в иностранной валюте увеличилась, а это снижало их конкурентоспособность.

По сравнению с 1862 годом, в 1863 экспорт понизился на 26 млн. р., а импорт вырос. Русские импортёры иностранной продукции использовали для платежей своим заграничным контрагентам и звонкую монету, которая таким образом в больших количествах стала уходить за рубеж.

Но, пожалуй, роковую роль в провале разменной операции сыграло нагнетание политической напряжённостью вокруг событий в Польше. В 1863 году здесь началось очередное национально-освободительное восстание. Государства Западной Европы, в частности Франция и Великобритания, выразили открытое сочувствие польским повстанцам. Французский император Наполеон III угрожал России войной с коалицией европейских государств, если польский вопрос не будет урегулирован в угодном для них духе. Естественно, что военные приготовления моментально отразились на состоянии финансовых рынков. Перспективы России выглядели весьма туманными, поэтому доверие европейских инвесторов к русским государственным ценным бумагам упало, курс их на ведущих европейских биржах стал стремительно снижаться. Вследствие этого попытки министерства финансов в сентябре 1863 года разместить очередной внешний заем для пополнения разменного фонда окончились полной неудачей. Неопределённость на международной арене резко усилила востребование монеты из разменного фонда. В августе 1863 года оно достигло невиданных до этого масштабов – за три дня было выдано почти 4,5 млн. р. Банк был даже вынужден прекратить размен на золотую монету, предлагая вместо вносимых кредитных билетов серебряную монету и иностранные векселя. При этом иностранные девизы выдавались по курсу *al pari* к золотому рублю, что планировалось делать только с 1 января 1864 года. Поскольку в октябре 1863 года опасность начала войны стала особенно зримой, 5 ноября Государственный Банк был вынужден прекратить разменную операцию. Её результаты заключались в том, что за весь её период кредитных билетов было предъявлено к обмену на 97,5 млн. р., а выдано Государственным Банком на 18,2 млн. р. Из обращения было извлечено 77,1 млн. р., но при этом разменный фонд уменьшился на 75,9 млн. р. Плачевные итоги операции станут более очевидными, если обратиться к тому факту, что отношение металлической части разменного фонда обращающимся кредитным билетам достигло рекордно низкой отметки в 8,1 %.

1.4. ЭПОХА «ИНФЛЯЦИИ» В ИСТОРИИ РУССКОГО ДЕНЕЖНОГО ОБРАЩЕНИЯ

Неудача восстановления свободного размена и доведения курса бумажного рубля до паритета с его серебряным базисом означала окончательное крушение системы серебряного монометаллизма, созданной в 1839 – 1843 годах графом Е.Ф. Канкриным. Вплоть до 1895 года в России господствовало денежное хозяйство, основанное на обращении неразменных кредитных билетов.

Данному типу денежной системы органически было присуще такое качество как неустойчивость. Фактическая отвязка кредитного рубля от металлической основы порождала целый ряд негативных последствий. Во-первых, монета являлась регулятором валютного курса кредитного рубля. Как мы видели, его колебания в условиях свободного размена носили незначительный характер и осуществлялись в пределах так называемых «золотых точек». Когда же под воздействием усиленной эмиссии бумажных денежных знаков конвертация ограничивалась, а затем и вовсе прекращалась, колебания вексельных

курсов в связи с исчезновением монеты из наличных платежей становились ещё более сильными. И, наконец, когда звонкая монета уходила за рубеж и её чрезвычайно затруднительно было приобрести на внутреннем рынке, бумажная валюта окончательно утрачивала тот якорь, который ещё сдерживал колебания её ценности. В международном обороте курс бумажной неразменной валюты окончательно подчинялся действию закона спроса и предложения. Причём на состояние курса оказывали влияние не только фундаментальные факторы, связанные с положением платёжного баланса страны, но и случайные обстоятельства – валютные спекуляции на ведущих европейских биржах – в особенности политическая обстановка. Особенно чувствительны курсы российского рубля оказывались к состоянию международных отношений. Они стремительно падали в 1859 году, во время франко-австрийской войны, в 1863 году, во время польского восстания, наконец, в 1866 году, когда разгорелась австро-прусская война.

Во-вторых, неустойчивость валютного курса отражалась и на внутренней ценности кредитного рубля – для хозяйственной практики 1860 – 1880-х годов привычными стали колебания лажа на звонкую монету и цен. Последнее обстоятельство затрудняло все внутренние обороты и расчёты, поскольку вносило в них элемент неопределённости и спекулятивности. Часть хозяйственных субъектов несла потери, другие наживались за их счёт, получая неоправданные выгоды от колебаний лажа и цен. Убытки терпели владельцы денежных капиталов и кредитные учреждения, получавшие платежи от должников обесценивающимися кредитными билетами, выигрывали дебиторы, поскольку имели возможность пользоваться ссудным капиталом и погашать свои обязательства утрачивающими свою ценность денежными знаками. Но наиболее страдали те слои населения, которые получали фиксированный доход в виде жалования. К ним можно было отнести наёмных рабочих, служащих государственных учреждений, чиновников и офицеров. Как это не парадоксально, представители бюрократического аппарата, относящиеся к безземельному дворянству и разночинцам, также довольно серьёзно страдали от последствий господства бумажного денежного хозяйства. Потери нес государственный бюджет, налоговые доходы которого обесценивались из-за возникавшего лажа, поскольку в силу предписаний законов, регулирующих денежное обращение, казначейство принимало кредитный рубль за серебряный. Одновременно государство переплачивало на казённых поставках и заказах в силу значительно возросших цен, определяемых в кредитных билетах. Сама точность бюджетного планирования становилась под сомнение неустойчивостью денежной системы. Проигрывало в конечном счёте само общество, на которое государство стало перекладывать свои финансовые потери, вводя новые налоги и увеличивая ставки прежних.

Надо заметить, что до определённых пределов выигрывало от утверждения бумажного денежного хозяйства помещное дворянство. Хлеб всегда являлся одним из главных экспортных товаров страны. Землевладельцы зернопроизводящих губерний были главными поставщиками товарного хлеба как на внутренний, так и на внешний рынки. При неустойчивой кредитной валюте, пока уровень внутренних цен не проходил в максимальное соответствие с лажем, они имели возможность получать непропорционально высокую прибыль. С одной стороны лаж и снижающийся вексельный курс рубля расширяли иностранный спрос на сельхозпродукцию – заграничные покупатели могли на те же затрачиваемые суммы покупать больше российского хлеба. Получая за продаваемую сельхозпродукцию обеспеченную звонкой монетой европейскую валюту, помещики получали за неё большее количество кредитных билетов при устойчивом падении валютного курса последних. Между тем ставки заработной платы, внутренние цены в силу описанного выше эффекта хотя и возрастали, но не в той мере, в которой возрастал лаж и падал вексельный курс. Издержки на заработную плату работникам, оплату транспортных услуг были относительно стабильными, в то время как доход помещиков, выраженный в кредитных рублях, неизменно возрастал. Имей рубль твёрдую металлическую основу, такого серьёзного разрыва между издержками внутреннего производства хлеба в помещичьих имениях и экспортной выручкой, позволявшего землевладельцам обогащаться, просто-напросто не существовало бы. Но кредитный рубль имел большую внутреннюю покупательную способность и существенно меньшую – международную. К тому же, получив ранее от государственных банков ипотечные кредиты, номинированные в серебряных рублях, погашали они их рублями бумажными, утратившими часть своей ценности.

Низкий вексельный курс и лаж действовали как своего рода охранительная таможенная политика, а также экспортная премия в отношении промышленной продукции отечественного производства. Так что устоявшиеся в советской историографии представления о том, что промышленная буржуазия терпела только убытки от господства неразменных бумажных денег, являются не вполне соответствующими действительности. Отечественные производители благодаря лажу на внутреннем рынке выигрывали в ценовой конкуренции. Слабый рубль делал отечественные товары более дешёвыми по сравнению с иностранными. Русская буржуазия как и помещики, выигрывали при этом и от более низких издержек производства. Лаж, до той поры, пока внутренние цены не сравнивались с ним, позволял промышленникам компенсировать действие достаточно либерального режима таможенного обложения, установленного тарифным законодательством 1857 года, выдержанным в духе идеологии свободной торговли.

В-третьих, крушение системы серебряного монометаллизма, несмотря на выгоды для отдельных лиц, предприятий и отраслей имело негативное воздействие на развитие народного хозяйства в целом. В частности, колеблющийся вексельный курс резко осложнял обслуживание государственного долга, в особенности внешнего. При понижении валютного курса государство для уплаты процентов и погашения основной суммы внешних займов вынуждено было расходовать более значительные средства в кредитных рублях – цена иностранных векселей в российской бумажной валюте постоянно росла. Использование же для зарубежных платежей звонкой монеты способствовало оттоку благородного металла за рубеж и ещё более усиливало давление на вексельный курс в сторону его понижения. Это имело тем более разрушительные последствия, если учесть тот факт, что экономика Российской империи несла колоссальную долговую нагрузку. К примеру, на рубеже 70 – 80-х годов XIX века обслуживание государственных долговых обязательств потребовало от бюджета выделения 239,9 млн. р., то есть 34 % всех его доходов.

Национальная экономика, сталкиваясь с нехваткой инвестиционных ресурсов для быстрой промышленной модернизации, остро нуждалась в притоке иностранного капитала. Однако вложение иностранных инвестиций в России затруднялось неустойчивостью бумажной валюты. Возможные прибыли зарубежных коммерсантов, полученные от осуществления инвестиций в производственные объекты на территории России, выраженные в рублях, могли быть потеряны при выводе из России. Дело в том, что при продолжении падения вексельного курса рубля – обстоятельстве вовсе не являвшемся невероятным в 1860 – 1880-е годы – конвертация доходов от предпринимательской деятельности в иностранную валюту могла принести

чистые убытки. Осуществив инвестиции в России, например, в английских фунтах стерлингов, при падении вексельного курса рубля на Лондон зарубежный коммерсант рисковал при обмене рублей в британскую валюту получить доход меньший, чем первоначальные вложения в валюту с учётом обычной нормы процента.

Кроме того, слабеющий вексельный курс при всё положительном его значении для развития внутреннего производства и экспорта сельскохозяйственной продукции, в стратегической перспективе наносил довольно заметный ущерб росту национального богатства. Иностранцы получали немалую выгоду, покупая, к примеру, дешёвый российский хлеб. Вследствие этого спрос со стороны неагентов на сырьё, полуфабрикаты и зерновую продукцию расширялся. Европейские государства имели возможность получать необходимые российские товары при господстве неразменных бумажных денег дешевле, чем в период, когда рубль имел твёрдую металлическую основу. Напротив, Российская империя была вынуждена оплачивать всё возрастающий импорт продукции машиностроения большим количеством собственных товаров. А это было чревато сокращением внутреннего потребления, ростом цен на предметы первой необходимости и продовольствия, а также ухудшением материального положения широких социальных слоёв. От форсирования экспорта могли пострадать, прежде всего, потребители на внутреннем рынке. К тому же, экспортная ориентированность порождала серьёзную зависимость национальной экономики от состояния уровня цен на сырьё и сельхозпродукцию на рынках стран-потребителей. Если они сжимались, падали доходы русских экспортёров, бюджет недополучал значительные доходы, а понижавшийся вследствие ухудшения торгового баланса вексельный курс усиливал давление на лаж, внутренние цены, а также обременял бюджет возрастающими расходами на обслуживание государственного долга. Тормозилась при этом и деловая активность в стране.

Прекрасно отдавая себе отчёт в указанных недостатках системы обращения неразменных бумажных денег, министр финансов Рейтерн после 1863 года, тем не менее, отказался от попыток поддержания курса кредитного рубля, прежде всего, мерами монетарной политики. Его новая экономическая программа, принятая в 1866 году, была ориентирована на сокращение бюджетных расходов, налоговые реформы, принятие мер, стимулирующих экспорт и привлечение иностранных инвестиций. Извлечение излишне выпущенных кредитных билетов, а также валютные интервенции как инструменты повышения курса рубля до восстановления его нарицательной ценности были признаны неэффективными.

Период 1867 – 1875 годов был относительно благополучным для российской экономики, деловая активность в связи с активным железнодорожным строительством, инициированным государством, заметно оживилась. Благоприятная конъюнктура позволила Государственному Банку в 1867 году в целях пополнения разменного фонда начать покупку золота и серебра в монете и слитках. Это было одно из наиболее заметных мероприятий финансового ведомства в сфере регулирования денежного обращения в этот период. С 1 августа 1867 года Государственный Банк стал принимать русские и иностранные золотые и серебряные монеты по вексельному курсу в депозиты, в платежи по погашению кредитов, выданных Государственным Банком, а также на текущий счёт для осуществления расчётов. Тогда же в Петербурге кассы Государственного Банка начали покупку золотых и серебряных монет, золота и серебра в слитках. Для золотого полуимпериала цена покупки составляла 5 р. 98 к. кредитными билетами, а для серебряного рубля – 1 р. 17,5 к. Установленный Государственным Банком лаж был выше, чем установившийся к этому времени вексельный курс. И это определило в конечном счёте успех данной операции. Обладатели золота извлекали выгоды из разницы между искусственно высоким курсом покупки золота Государственным Банком и более низкой биржевой стоимостью золота, установившейся под влиянием вексельного курса. Продавали золото и серебро не только русские его держатели. Операция привлекла внимание и зарубежных игроков, которые доставляли золото в Россию и при продаже его получали большое количество кредитных билетов, нежели чем на бирже при реализации векселей и наличной валюты в звонкой монете.

Металлическая часть разменного фонда возросла с 60 млн. р. к 1 июля 1867 года до 113,3 млн. р. к 1 мая 1868 года; его отношение к количеству кредитных билетов, находящихся в обращении, составило на 1 января 1869 года 18,3 %, а к 1875 году достигло отметки в 28,8 %. Для покупки металла использовались кредитные билеты из оборотных средств Государственного Банка. В силу интенсивности операции обнаружился их недостаток и Банку пришлось прибегнуть к эмиссии дополнительных кредитных билетов, количество которых достигло 793,7 млн. р. Несмотря на возрастание бумажной денежной массы, одновременно и в большей мере вырос металлический фонд.

Эти успехи давали возможность министерству финансов с надеждой говорить о скорой перспективе восстановления свободного размена кредитных билетов на звонкую монету. По всей видимости, министр финансов Рейтерн в этот период отказывается от идеи восстановления курса кредитного рубля до паритета серебряным. Во всяком случае покупка Государственным Банком металла с лажем даже несколько более значительным, чем установившийся под влиянием вексельного курса, косвенно свидетельствует об этом. Во второй половине 1870-х годов Рейтерн выступает с целым рядом инициатив по реорганизации системы денежного обращения. Во-первых, он высказывается в пользу отказа от серебра как металлической основы кредитного рубля. Дело в том, что цены на серебро на мировом рынке в 1870-е годы существенно упали в связи с открытием богатых серебряных приисков в США и обильным притоком серебряной монеты на международный финансовый рынок. В первую очередь от этого пострадали страны, где существовала биметаллическая денежная система, при которой монета чеканилась одновременно из золота и серебра, а золотые и серебряные монеты обменивались друг на друга по фиксированному курсу. Более дешёвая серебряная монета стала вымывать из обращения более дорогую – золотую. Дестабилизация всей системы денежного обращения побуждала эти государства постепенно демонетизировать серебро. Тем более, в 1867 году на Парижской конференции было принято решение о придании золотому стандарту международного статуса.

В данных обстоятельствах ориентироваться на серебро значило привязывать кредитный рубль к изначально неустойчивой, имеющей постоянно колеблющуюся ценность, металлической основе. Восстановление серебряного стандарта в этом случае могло лишь усугубить главную беду неразменного бумажного денежного хозяйства – резкие и постоянные колебания курса, развитие инфляционных тенденций.

Во-вторых, в марте 1876 года министр финансов вышел в Комитет финансов с предложением санкционировать сделки между частными лицами на золотую монету по установившемуся рыночному курсу, которые неофициально довольно значительно распространялись на рынке к тому времени. К тому же, в международных расчётах русские золотые полуимпериалы и империалы практически вытеснили полноценную серебряную монету. Фактически это был проект подготовительного эта-

па денежной реформы, основным принципом которой должна была стать девальвация. Определённые условия для расширения обращения золотой монеты начали к этому времени уже создаваться. В ноябре 1876 года был издан указ о взимании с 1 января 1877 года таможенных пошлин золотой монеты, что означало их увеличение в пересчёте на курс бумажного рубля почти на треть. Впрочем, Комитет финансов счёл предложения Рейтерна не соответствующими сложившейся политической ситуации.

Дело в том, что в 1876 году разразился балканский кризис, связанный с всеобщим восстанием славянских народов против турецкого владычества. Российская империя решительно выступила в защиту болгар, сербов и черногорцев, что делало войну с Турцией неизбежной. Предугадывая чрезвычайные военные расходы и возможную эмиссию новых кредитных билетов, Рейтерн просил императора Александра II в целях сохранения внутренней экономической стабильности не вмешиваться в конфликт на Балканах. Но царь был непреклонен.

Русско-турецкая война 1877–1878 годов оправдала самые худшие ожидания главы финансового ведомства, поставив Российскую империю практически на грань государственного банкротства и уничтожив все достижения министерства в предшествующее десятилетие. Она вызвала рост бюджетных расходов, значительно превысивший соответствующие издержки периода Крымской войны. Они покрывались за счёт внутренних и внешних займов. В конце 1876 года был осуществлён первый военный заем путём выпуска банковских билетов, приносящих 5 %-ный доход. Дальнейшие займы заключались за счёт Казначейства. 17 мая 1877 года был утверждён первый Восточный 5 %-ный заем в 200 млн. р., в августе 1878 и мае 1879 года были размещены второй и третий Восточные займы на 300 млн. р. каждый. 26 мая 1877 года состоялось заключение 5 %-ного внешнего займа на сумму в 15 млн. фунтов стерлингов (94,5 млн. металлических рублей). Однако сразу стало очевидным, что одними заёмными средствами покрыть все военные расходы не удастся.

Уже 25 октября 1876 года указом императора Александра II государственному казначейству дано было право покрывать чрезвычайные расходы военного времени с помощью заимствований у Государственного Банка, которому, в свою очередь, разрешалось осуществлять эмиссию кредитных билетов временного выпуска на сумму долга казначейства. И уже с апреля 1877 года казначейство стало активно эксплуатировать этот неиссякаемый источник финансирования дефицита государственного бюджета, а Государственный Банк – монетизировать возникающий долг министерства финансов. В сущности, повторилась ситуация 1855–1856 годов с той лишь разницей, что тогда за счёт казначейства выпуск билетов осуществляла Экспедиция кредитных билетов, а теперь эту операцию осуществляло кредитное учреждение банковского типа – Государственный Банк. К 1 января 1881 года долг Казначейства Государственному Банку составил 419,5 млн. р., в том числе по билетам временного выпуска – 417 млн. р. Финансовые результаты войны заключались в том, что беспроцентный долг государства по неразменным кредитным билетам вырос более, чем на 400 млн. р., а процентный – почти на миллиард. Для сравнения: Крымская война, подорвавшая основы системы серебряного монометаллизма увеличивала процентный долг государства чуть более чем на 100 млн. р. Количество кредитных билетов в обращении достигло к 1 января 1879 года рекордного показателя в 1 188 115 125 р., в то время как разменный фонд уменьшился до 176 785 803 р., что составляло 12,4 % от общей массы бумажных денег.

Выпуск огромного количества кредитных билетов и уменьшение их металлического обеспечения почти моментально сказались на вексельных курсах рубля. Средний курс на Париж перед войной составлял около 311 сантимов за рубль. Во время войны и непосредственно после неё он не падал ниже 233 и не поднимался выше 278 сантимов. Лаж на золотую монету увеличился с 80 к. кредитной валютой в 1876 году до 63 к. – в 1879 году. Одновременно в этот период выросли цены практически на все виды товаров на 20...25 %, в сравнении с предвоенным временем.

Разуверившийся в перспективах стабилизации денежной системы, Рейтерн ушёл в отставку летом 1878 года. Вместо него министром финансов был назначен С.А. Грейг, удержавшийся на этом посту только два года. На смену ему в управление финансовым ведомством вступил известный своими либеральными взглядами отпрыск старинной дворянской семьи А.А. Абаза, бывший к тому же опытным коммерсантом. Им был предложен план оздоровления денежного хозяйства, который лёг в основу закона от 1 января 1881 года.

Содержание данного закона сводилось к следующим положениям:

- 1) прекращались заимствования казначейства из Государственного Банка и связанные с этим выпуски последним дополнительных кредитных билетов;
- 2) принималось решение выплатить Государственному Банку за счёт средств государственного казначейства сумму, необходимую для уменьшения беспроцентного долга Казначейства по временно выпущенным билетам до 400 млн. р.;
- 3) оставшаяся сумма государственного долга Банку подлежала погашению в течение восьми лет ежегодными выплатами по 50 млн. р.;
- 4) все поступавшие в Государственный Банк кредитные билеты должны были уничтожаться в соответствии с потребностями товарного оборота; в случае стеснённого положения рынка допускалась возможность их использования для кредитования промышленности и торговли.

Этот закон, определивший направленность и содержание монетарной политики министерства финансов, исходил из предположения, что бюджет будет располагать такими доходами, которые позволят без ущерба для иных финансовых обязательств государства осуществлять платежи в пользу Банка.

Между тем, как оказалось, эта презумпция выглядела безупречной лишь на бумаге. Слабым местом закона являлось и суждение о том, что ценность кредитной валюты определяется в точности количеством обращающихся денежных знаков. Извлечение их части позволит повысить курс кредитных билетов, а возможно и довести его до нарицательной ценности. Это в целом отражало иллюзии верхов бюрократического аппарата относительно возможности восстановления ценности рубля до его металлического базиса и нежелание ставить вопрос о девальвации кредитного рубля из-за боязни уронить престиж государства. На практике, однако, это предположение не подтвердилось.

По подсчётам профессора Н.Х. Бунге, в 1875 году 797 млн. кредитных рублей стоили 677 млн. металлических рублей, а в 1880 году 1 млрд. р. соответствовали 730 млн. металлических рублей. В результате получалось, что с 1875 по 1880 годы кредитный рубль потерял четверть своей стоимости, но при этом ценность всей совокупности кредитных билетов возросла на 53 млн. р. звонкой монетой.

В то же время нельзя не признать весьма здравой идею о возможности выпуска уплаченных казначейством билетов вновь в обращение посредством кредитования промышленности и торговли. Бумажные деньги, будучи обеспечены в этом случае кредитным портфелем Государственного Банка, при производительном использовании способны были увеличить товарную массу в рамках национальной экономики и тем самым противодействовать дальнейшему падению их курса.

Реализация закона от 1 января 1881 года легла на плечи нового министра финансов – известного специалиста в сфере финансов и денежно-кредитного обращения профессора Киевского университета Н.Х. Бунге. А.А. Абаза в апреле 1881 года ушёл в отставку в знак протеста против свёртывания либеральных реформ Александра II новым императором Александром III. Бунге, в отличие от Рейтерна, был противником девальвации кредитного рубля и восстановления размена по существующему рыночному курсу. Считая, что это повредит имиджу Российской империи как исправного кредитора, он выступал за постепенное повышение курса рубля до его металлического паритета и восстановление размена кредитных билетов как на золото, так и на серебро. Оригинальность его финансового плана заключалась в признании нецелесообразности и даже вредности немедленного восстановления свободного размена. Бунге отдавал себе отчёт в том, что залогом успеха операции по восстановлению металлической ценности кредитного рубля является осторожность и постепенность действий. Первоначальным этапом преобразования денежной системы должна была стать, по его мнению, стабилизация валютного курса. Причину его колебаний он усматривал в фактической невозможности использовать звонкую монету как полноценное средство платежа во внутренних расчётах. Только появление большого количества монеты в обращении способно было стать залогом постоянства внутренней и международной ценности российского рубля. В развитие своих намерений министр финансов в декабре 1882 года внёс в Комитет финансов представление, где предлагал разрешить сделки между частными лицами на звонкую монету, а также допустить приём и выдачу казной золотой и серебряной монеты в расчётах с частными лицами по вексельному курсу. Решительно поддержал идею Бунге бывший министр финансов Рейтерн. Он высказал убеждённость в том, что монета, допущенная к обращению по вексельному курсу, станет надёжным регулятором последнего. В случае его резкого падения отток благородного металла предотвратит его дальнейшее падение через включение механизмов автоматического выравнивания платёжных балансов. Действие его представлялось в следующем виде. Пассивный платёжный баланс имел своим последствием отток из страны для покрытия зарубежных платежей значительного количества звонкой монеты и падение вексельного курса национальной валюты. Это влекло за собой, в свою очередь, сокращение денежной массы в стране – дефляцию, сопровождаемую понижением уровня цен и повышением уровня процентных ставок (платы за привлекаемый денежный капитал). Более низкие цены должны были привлечь зарубежных покупателей, а высокие процентные ставки – иностранных инвесторов, ставших бы активно скупать векселя в валюте данного государства для осуществления инвестиций на его территории. В результате платёжный баланс анализируемого государства выправлялся, а вексельный курс возрастал. Обратная ситуация наблюдалась при повышении вексельных курсов и притоке в страну благородного металла.

Однако проект Бунге был отвергнут Совещанием Соединённых департаментов Государственного Совета в марте 1883 года. Поскольку не удалось создать условий для появления монеты в каналах денежного обращения, Бунге деятельно занялся реализацией закона от 1 января 1881 года. Погашение задолженности Казначейства перед Государственным Банком и извлечение кредитных билетов временного выпуска было частью финансового плана министра. Несмотря на то, что в предшествующих своих работах сам Бунге доказывал отсутствие точного соответствия между количеством бумажных денег и их ценностью, тем не менее, он, надеясь добиться всё же согласия царя и высшей бюрократии на узаконение сделок со звонкой монетой, санкционировал дефляционную политику. Она была направлена на сжатие денежной массы и повышение тем самым ценности кредитных билетов.

Главные свои усилия министерство финансов обратило на погашение задолженности Казначейства Государственному Банку. В 1881 – 1884 годах ежегодно сумма в 50 млн. р. закладывалась в расходы чрезвычайного бюджета и перечислялась Банку. В итоге к 1884 году государство погасило часть задолженности за выпущенные кредитные билеты в размере 167 млн. р. Однако ежегодная уплата 50 млн. р. была непосильна даже для чрезвычайного бюджета. Поэтому указом от 8 июня 1884 года министру финансов предоставлялось право избирать способ погашения задолженности перед Государственным Банком: или уплатой наличных кредитных билетов или передачей 5%-х билетов государственной ренты для реализации. В последнем случае беспроцентный государственный долг уплачивался процентными государственными бумагами. Последние Банк должен был реализовать на внутреннем денежном рынке и из выручки удерживать долг Казначейства.

При хронических бюджетных дефицитах именно второй вариант предпочло финансовое ведомство. В 1884 – 1887 годах расчёты с Государственным Банком производились почти исключительно государственными ценными бумагами. К 1887 году Казначейством было уплачено Банку 317 млн. р., в том числе: наличными кредитными билетами 167 млн. р. и 150 млн. р. государственной рентой. В 1888 году во исполнении закона от 1 января 1881 года Государственному Банку удалось реализовать только их часть – на 76 471 465 р. (56 млн. р. золотом). Ещё 173 528 555 р. рентой оставалось в портфеле кредитного учреждения. Таким образом, к 1888 году долг Казначейства перед Банком был погашен. Однако при этом оставался долг самого Банка по выпущенным билетам.

Вторая часть финансового плана Н.Х. Бунге предусматривала уничтожение поступающих в кассы Государственного Банка излишне выпущенных кредитных билетов. В первой половине 1880-х годов из их общего количества было уничтожено только 87 млн. р., а остальные 330 млн. находились в обращении. Однако уничтожение 87 млн. р. оказало крайне негативное воздействие на денежный рынок. В 1870 – 1880-е годы в денежном обращении вновь проявилось такое явление как «безденежье», ставшее особенно заметным после обильных выпусков кредитных билетов в конце 1870-х годов. В сущности, это явление в данный период отражало тот факт, что денег было одновременно и слишком много, и слишком мало, как это ни кажется парадоксальным. Объём бумажной денежной массы был слишком велик по отношению к металлической части разменного фонда, и в этом смысле бумажных денег было действительно слишком много. Но в то же время обращающихся денежных знаков было недостаточно для обслуживания всё возрастающих оборотов, отражающих динамичное развитие экономики. Величина совокупного объёма национального производства существенно выросла в 1860 – 1880-е годы, между тем как расширение денежной массы сознательно сдерживалось министерством финансов. Таким образом, выходило, что денег было относительно немного по сравнению с объёмом товаров, работ и услуг, создаваемых народным хозяйством. Не-

хватка денег особенно остро ощущалась осенью и весной, когда наиболее интенсивно осуществлялась хлебная торговля и возникала потребность в значительном количестве денежных знаков.

Ощущение «безденежья» усиливалось, как и в 1850-е годы, в связи с развитием инфляционных тенденций, обусловленных дополнительными выпусками необеспеченных кредитных билетов. Однако по сравнению с предшествующим периодом, цены обнаруживали больший динамизм и зависимость от величины лажа. Падение вексельного курса и увеличение лажа очень быстро сопровождалось соразмерным ростом уровня цен. В 1850-е годы, как мы уже видели, рост цен мало соответствовал движению вексельного курса и лажа.

Подобные изменения были обусловлены далеко продвинувшимся процессом модернизации страны. На рубеже 1870 – 1880-х годов в России уже существовала целая сеть железных дорог, способствовавших интенсификации межрегиональных торговых связей; действовал телеграф, благодаря которому в провинции быстро узнавали об изменениях вексельных курсов и лажа; возникли система частных коммерческих банков, открывших свои конторы, следившие за движением курсов биржевых ценностей на территории всей страны. Естественно, что в условиях более быстрого роста цен требовалось более значительное количество денежных знаков для совершения сделок.

Несколько снижали остроту «безденежья» два обстоятельства. Во-первых, в связи с развитием банковского дела значительно возросла роль безналичного денежного обращения, что сокращало потребность в наличных деньгах. Во-вторых, экономика Российской империи в 1880-е годы вступила в период депрессии. Существовали значительные, накопленные экономикой в предшествующий период запасы материального капитала, обороты были сравнительно с периодом 1850-х годов невелики. Совокупность этих обстоятельств создавала все условия для неинфляционного роста, даже при значительном количестве кредитных билетов, попавших в каналы денежного обращения после 1877 года.

Тем не менее, изъятие даже незначительного количества кредитных билетов по инициативе министра финансов оказало угнетающее воздействие на состояние народного хозяйства. При неудаче попыток ввести монету во внутреннее обращение экономика не получала никакой замены уничтожаемым денежным знакам. В результате потребность в деньгах становилась настолько острой, что это существенно увеличивало уровень ставки учётного процента и процентных ставок в целом. Дороговизна кредита тормозила развитие деловой активности и усугубляла депрессию в промышленном секторе. И хотя лаж в связи с этим несколько понижался, внешнеторговый баланс продолжал ухудшаться. За 1881 – 1886 года он лишь дважды сводился с положительным сальдо. Падавший вексельный курс при этом создавал противоположное давление на лаж.

Убедившись в бесперспективности попыток поднять ценность кредитного рубля путём увеличения бумажных денег из обращения, Бунге в 1885 году отказался от продолжения дефляционной политики. Он стал высказываться в пользу девальвации как способа создания твёрдого металлического базиса рубля и признал безальтернативность золотому монометаллизму как будущему каркасу денежной системы Российской империи. В дальнейшем Бунге сосредоточился на оптимизации налоговой политики посредством более равномерного распределения налогового бремени между различными социальными группами, инициировал процесс конверсии русских внешних займов в целях сокращения расходов бюджета по обслуживанию государственного долга. Однако в конце 1886 года под давлением консерваторов Бунге была дана отставка.

Значение финансовых мероприятий Н.Х. Бунге заключалось в том, что они в полной мере отразили неэффективность привычных методов денежно-кредитной политики, заключавшихся в стремлении восстановить нарицательную ценность кредитной валюты путём механического сжатия денежной массы. Бюрократическая элита империи всё более убеждалась в неизбежности допущения сделок на звонкую монету по сложившемуся рыночному курсу и девальвации кредитного рубля.

Новый министр финансов Н.А. Вышнеградский сразу же после вступления в должность проявил себя как убеждённый сторонник восстановления размена бумажной валюты на золотую монету по существующему рыночному курсу, то есть фактически девальвации рубля. Необходимыми предпосылками реформы он считал разрешение сделок между частными лицами на золотую монету по существующему на бирже курсу, а также приём монеты в казённые платежи на подобных же основаниях, накопление достаточного золотого запаса, достижение бездефицитности бюджета и положительного сальдо внешнеторгового баланса. Как и Н.Х. Бунге, он всё же не преуспел в попытках санкционировать свободное употребление золотой монеты с лажем во внутренних платежах. В январе 1888 года Особое Собрание Государственного Совета признало его инициативы преждевременными.

Не найдя поддержки в бюрократических верхах с этой идеей, Вышнеградский сосредоточился на реализации иных аспектов финансовой политики.

В первую очередь предметом его особых забот стало усиление разменного фонда. Указом от 10 июля 1887 года Государственному Банку предписывалось передать 40 млн. р. золотом из оборотных касс в разменный фонд. Вместе с тем, соответствующая по биржевому курсу сумма кредитных билетов (63 736 854 р.) была списана со счёта кредитных билетов временного выпуска и зачислена на счёт кредитных билетов постоянного выпуска, обеспеченных разменным фондом. Эта операция позволила и увеличить разменный фонд и сократить количество излишне выпущенных билетов, не прибегая к их уничтожению, что ещё более стеснило бы денежный рынок.

Интенсифицируя собственную добычу золота, министр финансов использовал благоприятную внешнеэкономическую конъюнктуру для активной скупки золота за границей. Приобретение последнего осуществлялось путём покупки иностранных векселей – тратт, предложение которых на ведущих российских биржах возросло в конце 1880-х годов в связи со значительным превышением экспорта под импортом. Купленные по выгодному для министерства вексельному курсу тратты пересылались заграничным корреспондентам Государственного Банка, которые обменивали их на золото. Причём приобретение золотых запасов не возлагало на государственный бюджет дополнительные средства государственного казначейства, валюта, поступающая от реализации внешних займов государства, оборотные средства Государственного Банка. Последнее обстоятельство, однако, вызвало необходимость подкрепления касс Государственного Банка для удовлетворения потребностей оборота. Вследствие указом от 8 июля 1888 года Государственному Банку было дано право с разрешения министра финансов осуществлять временные выкупки кредитных билетов, но не иначе как под обеспечение золотом, принадлежащим Казначейству или Государственному Банку, рубль за рубль. Временные выпуски кредитных билетов позволяли и содействовать приобретению золота за рубежом, и удовлетворять потребности развивающейся их экономики, не тормозя её рост дефляционной поли-

тикой. Если сокращение оборотов позволяло это сделать, кредитные билеты подлежали изъятию из обращения и уничтожению с возвращением золота в оборотные кассы Банка или Казначейству. Кредитные билеты выпускались в обращение небольшими партиями в 15...25 млн. р. и лишь в точном соответствии с потребностью оборота. Всего в 1888 – 1892 годах было выпущено 180 млн. р. и изъято 30 млн. р.

Большую роль в накоплении золотого запаса сыграли внешние займы. В 1889 – 1891 годах было заключено 5 металлических займов на сумму 425,1 млн. р. золотом. При этом государственный долг вырос с 6,5 млрд. р. до 7,5 млрд. Но успехи, связанные с накоплением золота в разменном фонде, были довольно внушительными: если к 1 января 1888 года отношение металлических запасов к общему количеству обращающихся кредитных билетов составляло 20,2 %, то к 1 января 1893 года на 1 196 295 384 р. кредитными билетами, находящимися в обращении, приходилось 360 379 350 р. золотом и чуть более 1 млн. р. серебром в составе разменного фонда (30,2 %).

Относительная устойчивость курса российского рубля, достигнутая в период нахождения во главе министерства Н.А. Вышнеградского, обеспечивалась положительным платёжным балансом. Добиваться его удавалось путём притока иностранных капиталов в виде займов и форсированием экспорта. Для этого устанавливались охранительные таможенные пошлины (Таможенный тариф 1891 года носил жёстко протекционистский характер), для экспортёров сельскохозяйственной продукции вводились вывозные премии и льготные тарифы на железнодорожные перевозки. Благодаря всем этим мерам, сальдо внешнеторгового баланса в 1887 – 1891 годах всегда сводилось с большим преимуществом для России.

Вышнеградскому удалось далеко продвинуться и в деле борьбы с хроническим заболеванием государственных финансов России – бюджетными дефицитами. Посредством жёсткой налоговой политики и всемерной экономии ему удалось сводить сбалансированные бюджеты. Однако подобная финансовая политика имела и обратные стороны, сокращая потребление внутри страны и ухудшая материальное положение широких социальных слоёв. Возникший в 1891 – 1892 годах голод заставил Вышнеградского отложить предполагавшееся в этот период восстановление свободного размена.

2. СТРАТЕГИЯ ИНДУСТРИАЛЬНОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ РОССИИ НА РУБЕЖЕ XIX – XX ВЕКОВ

2.1. КОНЦЕПЦИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ С.Ю. ВИТТЕ

В 1892 году во главе министерства финансов встал С.Ю. Витте – один из наиболее выдающихся государственных деятелей Российской империи, с именем которого оказались связаны все значимые события политической и экономической жизни страны в конце XIX – начале XX века. К этому времени он имел за плечами уже немалый опыт административно-управленческой деятельности и устоявшуюся систему взглядов на проблемы развития народного хозяйства страны.

В государственный аппарат Витте пришёл из сферы крупного бизнеса. В 1870 – 1880-е годы он занимал различные должности в управленческих структурах Общества Юго-Западной железной дороги. Особенно способствовал его карьерному росту случай, произошедший осенью 1888 года. Отвечая непосредственно за организацию движения по железной дороге, он высказал замечания в адрес дворцового ведомства о том, что скорость, с которой передвигается бронированный царский экспресс, не соответствует состоянию железнодорожного полотна. Опасения Витте сбылись – экспресс императора Александра III потерпел крушение у станции Борки в Харьковской губернии. После этого он был замечен императором и приглашён на государственную службу. Большую роль в карьере С.Ю. Витте сыграло и покровительство Н.А. Вышнеградского, который до перехода в министерство финансов являлся председателем Правления Общества Юго-Западной железной дороги.

В 1891 году Витте стал министром путей сообщения, а в 1892 году после болезни и отставки Вышнеградского занял пост министра финансов, в должности которого был утверждён с 1 января 1893 года.

Определённую известность будущий министр финансов получил уже в 1880-е годы как автор работ по проблемам тарифообразования на железнодорожные перевозки и популяризатор учения немецкого экономиста Фридриха Листа. Экономическая концепция последнего и легла в основу подходов Витте к выработке и реализации экономической политики государства. Особый интерес экономическое учение, популяризируемое и развиваемое С.Ю. Витте вызывает в связи с тем, что оно фактически и составило сущность и содержание стратегии промышленной модернизации страны на рубеже XIX – XX веков. Занимая в течение целого десятилетия, в 1893 – 1903 годах, должность министра финансов, Витте с группой единомышленников являлся подлинным творцом бурного экономического роста 1890-х годов.

В основе теоретической базы экономической политики кабинета С.Ю. Витте лежала резкая критика постулатов так называемой классической школы в экономической науке. Надо заметить, что в среде представителей бюрократической элиты Российской империи было много поклонников экономической концепции Адама Смита и Дэвида Рикардо, да и экономическая политика империи в период либеральных реформ императора Александра II во многом основывалась на идеологии свободной торговли, представителями классической школы утверждаемой.

По мнению Ф. Листа, разделяемому русским министром финансов, классическая школа разработала учение, которое, определяя роль государства в экономике, представляло народ как некую механическую сумму лиц, его составляющих. Идеи свободного предпринимательства, минимизации государственного вмешательства в экономику, свободы международной торговли, общественного и международного разделения труда имели в виду лишь интересы отдельных лиц и всего человечества в целом. Главная ошибка классиков в представлении Листа заключалась в том, что они, претендуя на универсальность своей теории, забывали о существовании между человеком и человечеством отдельной, самостоятельной экономической единицы – нации, интересы которой не сводятся к сумме хозяйственных интересов отдельных лиц, её составляющих. К тому же, по мнению Листа, экономические интересы человечества – тоже весьма иллюзорное понятие. Они не могут быть едины для всех наций, поскольку они имеют крайне разный уровень социально-экономического, политического и культурного развития.

Немецкий экономист выделял следующие стадии экономического развития любого народа: стадию дикого состояния, пастушеского, земледельческого, мануфактурного и, наконец, земледельческого, мануфактурного и коммерческого. С точки зрения данной классификации лишь наиболее развитые страны Западной Европы находились на пятой стадии, когда одинаково интенсивно развивались ведущие сегменты народного хозяйства – аграрный комплекс, про-

мышленность и торговля. Россия, как представлялось министру финансов, переходила от третьей стадии к четвёртой, то есть наиболее актуальной задачей экономического развития Российской империи являлся переход от преимущественно аграрной ориентации народного хозяйства к индустриально-аграрной.

В соответствии с ультралиберальной концепцией классической школы, основу богатства любого общества составляла совокупность полезных благ, имеющих меновую ценность, то есть количество товаров производимых данным обществом в процессе трудовой деятельности. Коль скоро основа богатства народов – это товар, то чем большим запасом меновых благ обладает данное общество, тем оно богаче. Следовательно, целесообразно всё то, что способствует увеличению товарной массы. Одним из таких необходимых условий классики видели свободу международной торговли, международное разделение труда. Обоснованием данного принципа функционирования мирового хозяйства служила теория сравнительных преимуществ. В максимальном упрощении её сущность сводится к тому, что каждая страна должна специализироваться на выпуске тех товаров, издержки производства которых у этого государства наименьшие. Специализуясь в узкой производственной области и направляя соответствующие товары на международный рынок, общество получает немалую выгоду. Оно имеет возможность получить большее количество товаров, необходимое для потребления в общегосударственном масштабе, чем, если бы, оно стало производить бы их самостоятельно. Так, различные государства увеличивают благосостояние друг друга, обмениваясь товарами, в производстве которых они имеют экономические преимущества. Для реализации подобного сценария государства должны были отказаться от защиты своих товарных рынков с помощью охранительных таможенных пошлин.

Ф. Лист резонно возражал классикам, указывая на тот факт, что выгоды от участия в международном разделении труда и свободной торговле могут получать только общества, находящиеся на одном уровне развития. Свободная же торговля между державами, далеко продвинувшимися в развитии индустрии, и странами с преимущественно аграрной экономикой способны привести лишь к одному результату – превращению последних в сырьевой придаток экономически развитых государств. А это означало и утрату политического влияния, и зависимость от действий других стран. Понимая, что консервация фундаментальных основ аграрной экономики чревата скатыванием России в разряд второстепенных или даже третьестепенных европейских государств, Витте доказывал необходимость форсированного создания собственной индустриальной базы. Будущее Российской империи он видел исключительно как державу, вставшей по уровню развития промышленности, торговли и сельского хозяйства в один ряд с ведущими капиталистическими странами Европы. Степень политической мощи и влияния России рассматривалась им в прямой связи с уровнем успехов промышленности. Поэтому основную свою задачу Витте видел в преодолении сырьевой специализации России в рамках международного разделения труда и создания условий для ускоренного развития индустрии.

Подобные приоритеты отражали высказанную Ф. Листом принципиальную убеждённость в том, что основу процветания любого общества составляют не меновые ценности сами по себе, а производительные силы, способные эти ценности создавать. «Очевидно, что способность создавать богатства гораздо важнее самого богатства, ибо без этой способности богатство не только не может возрасти, но оно непременно должно уничтожиться», – писал Витте, развивая аргументацию Фридриха Листа. Производительные силы, то есть современная промышленность, могли быть созданы исключительно на основе жёсткого протекционизма, то есть ограждения внутреннего производства от разрушительной иностранной конкуренции. Только после создания развитой индустрии, перехода к пятой ступени хозяйственного развития, общество могло позволить себе перейти к политике свободной торговли и получать выгоды от полноценного и равноправного с другими народами участия в международном разделении труда. Эти соображения и легли в основу всей торгово-промышленной политики министерства финансов, руководимого С.Ю. Витте.

Ее обоснование, экономические задачи, целевое назначение и способы осуществления были сформулированы для всеобщего сведения ещё в первых ежегодных докладах Витте о росписи государственных доходов и расходов, относящихся к 1893 – 1896 годам.

О смысле «программы торгово-промышленной политики Империи» было вполне отчетливо сказано ещё в докладе о росписи на 1894 год: «При громадном разнообразии климатических и почвенных условий и неисчерпаемых естественных богатствах» Россия «заключает в себе все данные для полной национально-экономической независимости в будущем». Далее указывается, что «для достижения этой высокой задачи, по глубокому убеждению министра финансов, недостаточно одного таможенного покровительства. В его рамках правительство должно иметь возможность «широко воздействовать на народную промышленность, направляя её в ту или другую сторону соответственно общегосударственным экономическим потребностям». Таким образом, по убеждению министра финансов, основополагающая общая мера экономической политики – высокая таможенная охрана – является недостаточной и должна быть дополнена самым широким комплексом мер воздействия на промышленность, и в первую очередь на те её отрасли, которые надо развивать «соответственно общегосударственным потребностям». Тогда и «таможенное покровительство сможет более успешно выполнить своё назначение». В числе подобных общих мер подразумевался весь инструментарий государственной экономической политики. Безусловно, таможенная охрана, по мнению Витте, должна была дополняться созданием прозрачного, простого и благоприятного для делового мира налогового режима, стабилизацией национальной валюты и поощрением экспорта, а также собственно расширением инвестиционной активности самого государства.

Витте предвидел и два главных возражения против протекционистской политики – сужение конкурентного поля на внутреннем рынке и потери для потребителей. В отношении первого из указанных аргументов он отмечал, что протекционизм не устраняет конкуренции вовсе. Она существует на внутреннем рынке, но только между отечественными производителями. Протекционизм ограждает лишь от внешних конкурентов, изначально имеющих значительные преференции. Фактически, в представлениях Витте протекционизм носил уравнивающее значение.

Признавая вслед за Ф. Листом, что протекционизм действительно обременителен для потребителей, вынужденных уплачивать за необходимую им продукцию большие суммы, Витте, тем не менее, считал, что это, хотя и неизбежное, но временное явление. Нация должна принести временные жертвы и претерпеть лишения, выражающиеся в переплате за получаемые меновые ценности, с тем, чтобы в будущем приобретать их в большем количестве и дешевле.

В концепции преимущественного развития национального хозяйства стоит выделить ещё один момент, не потерявший актуальности и сегодня. Возражая сторонникам преимущественного покровительства именно аграрному сектору, Витте утверждал, что производительность земледелия станет тем больше, чем более оно будет связано хозяйственными отношениями с развитой промышленностью. Последняя создаст надёжный, устойчивый рынок сбыта для сельскохозяйственного сектора. В случае же сохранения экспертной ориентированности сельского хозяйства России, интенсивность его развития прямо будет зависеть от состояния цен на продовольствие в странах Западной Европы. Преимущественно же аграрная экономика при этом вообще попадает в полную зависимость от зарубежных рынков. «Не нужно быть пророком, чтобы предсказать, что вследствие развития заатлантической конкуренции наши земледельческие продукты со временем будут встречать всё менее и менее выгодный сбыт за границей. При таком положении вещей поддержание нашего земледелия может быть основано, главным образом, на развитии внутренней мануфактуры», – писал Витте. Резюмируя свои рассуждения, он утверждал: «Нация, которая обменивает свои земледельческие продукты на заграничные мануфактурные изделия, представляет собой человека без руки, который опирается на чужую руку. Эта опора полезна, но она не заменяет собою недостающей руки уже потому, что её деятельность зависит от чужой воли».

Оригинальной идеей в концепции национальной экономики, принадлежащей лично С.Ю. Витте, являлось положение об исключительном значении привлечения иностранных капиталов. В создании стоимости, согласно Витте, на равных началах участвуют три производительных фактора: естественные богатства, труд и капитал. Из них первые два были в России в избытке, тогда как в капиталах, наоборот, ощущался острый недостаток. Поэтому высокий уровень прибыли и процента на капитал объяснялся в России не высокой нормой эксплуатации, а недостаточным предложением капиталов.

В этом плане и отводилась особая роль иностранным капиталам, прилив которых равносителен росту предложения капиталов в стране, удешевляет процент, ведёт к росту производства, усиливает конкуренцию внутри страны и даёт новое применение труду. В результате же таким образом развиваются производительные силы, растёт предприимчивость русской буржуазии и значительно приближается создание сильной российской промышленности и экономической независимости страны.

С официальным обоснованием необходимости импорта иностранных капиталов Витте выступил публично 1 марта 1899 года на заключительном заседании комиссии по улучшению хлебной торговли. Программная часть этого выступления начинается с признания того факта, что «основную отрасль народной производительности составляет у нас сельское хозяйство». Но история показывает, говорил далее Витте, что «исключительно земледельческие страны... обречены играть роль колоний-данниц по отношению к богатым промышленным странам, являющимся как бы метрополиями». В земледельческих странах невозможно «ни развитие интенсивного хозяйства, ни накопление капиталов». Здесь нет места и «широкому размаху предприимчивости», слабое применение находят технические знания, и даже «обеспечение народа насущным хлебом» зависит от «многообразных случайностей», природных и климатических. Витте был «убеждён, что лучшее и самое действительное покровительство сельскому хозяйству заключается в покровительстве тому, что должно служить ему экономической основой», то есть в протекционистской системе, направленной на развитие промышленности, которая создаёт эту основу — «обеспеченный внутренний сбыт для сельскохозяйственных продуктов и обеспеченный заработок для труда, не находящего себе приложения на земле».

Покровительственная система – явление временное, но длительное. Она «ложится тяжестью почти на все классы населения. Русскому человеку обходится дороже все, ограждённое пошлиной. Это главный укор против протекционизма, и укор вполне справедливый». Но именно поэтому «приходится широко пользоваться обильными и дешёвыми иностранными капиталами. Этим путём сокращается тяжёлый период пребывания в школе. Приток из-за границы конкурирующего промышленного капитала неизбежно будет сопровождаться «удешевлением цен и понижением промышленных прибылей». Это может задевать интересы лишь тех промышленников, которые, будучи защищены от ввоза иностранных товаров, пользуются завышенной прибылью и хотели бы увековечить такое положение. В отличие от импорта товаров, ввоз иностранных капиталов приводит самое большее к утке из России до 10 % стоимости товаров, произведённых на организованных «при помощи» иностранного капитала российских предприятиях, тогда как 90 % стоимости этих товаров остаётся в России. Поэтому, считал Витте, надлежит всемерно содействовать притоку иностранных капиталов.

Таким образом, стратегический курс С.Ю. Витте заключался в ограждении внутреннего промышленного производства повышенными таможенными пошлинами, а также в привлечении иностранных инвестиций для скорейшей индустриальной модернизации страны. В соответствии с этими целями выстраивалась и его экономическая политика.

2.2. ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ФИНАНСОВОЙ ПОЛИТИКИ С.Ю. ВИТТЕ

С самого начала своей деятельности С.Ю. Витте жёстко выступил против широко бытовавших в обществе представлений об опасности и нежелательности усиления налогового бремени. Во всеподданнейшем докладе по росписи на 1893 год он утверждал, что «не должно останавливаться даже перед некоторым временным напряжением платёжных сил страны, которое, впрочем, с избытком вознаграждается умножением, вследствие того, способов к дальнейшему нарастанию и развитию этих сил. Сдержанность имеет свои пределы, за которыми отклонение от предъявляемых требований о разрешении расходов может угрожать серьёзными затруднениями нормальному развитию гражданской и экономической жизни страны... Финансовая политика не только не должна упускать из внимания нежелательных последствий излишней сдержанности в удовлетворении назревающих потребностей, но, напротив, должна поставить своею задачею разумное содействие экономическим успехам и развитию производительных сил страны». Для обеспечения правильного функционирования финансового хозяйства Витте признавал необходимым не только устойчивое равновесие бюджета, но и некоторое превышение государственными доходами итога обычно из года в год повторяющихся расходов. Расширение государственных расходов и образование запаса свободных ресурсов были обеспечены усилением налогового бремени. За последние десять лет XIX века рост податей и связанный с ними рост перевернуток по обыкновенной росписи имели устойчивую тенденцию, о чём красноречиво свидетельствуют следующие показатели (табл. 3).

Небывалый рост налоговых поступлений был осуществлён в первую очередь за счёт резкого увеличения косвенного обложения. Уже в 1892 году были проведены следующие последовательные акции: повышен налог с пива на 50 %, со спичек – вдвое, питейный акциз со спирта увеличен с 9,25 до 10 к., с фруктовых водок – с 6 до 7 к., нефтяной акциз – на 50 %, патентный табачный сбор – на 50 % (установлен также дополнительный табачный акциз), подняты ставки налога с недвижимого имущества и дополнительных торгово-промышленных сборов.

3. Налоговые поступления в бюджет Российской Империи в конце XIX - начале XX века

Годы	Налоги	Перевыручки (млн. р.)
1892	701,8	59,5
1893	761,2	98,7
1894	837,6	162,6
1895	858,8	118,0
1896	858,0	139,7
1897	860,2	116,7
1898	944,2	226,6
1899	1016,4	209,7
1900	1005,3	208,7
1901	1040,5	134,6

Дальнейшая деятельность С.Ю. Витте сочетала стремление к повышению эффективности налоговой системы с её постепенным реформированием на основе последовательного осуществления принципа подоходности обложения. Из действий в этом направлении выделяется учреждение квартирного налога, который был введён 14 мая 1893 года и вошёл в силу уже в следующем году. При его введении исходили из того соображения, что наём квартиры служит внешним признаком, на основании которого можно составить представление о совокупности доходов каждого плательщика. Как заявлял министр финансов С. Ю. Витте, «государственный квартирный налог составляет лишь дальнейший шаг вперед в деле преобразования нашего податного строя и в основу его положена мысль об обложении более зажиточных плательщиков сообразно их достатку».

Государственному квартирному налогу подлежали все русские подданные и иностранцы, занимавшие помещение для жилья как в собственном доме, так и в наёмном или предоставленном в бесплатное пользование. От налога освобождались все помещения, занятые торговыми, промышленными заведениями, другие здания, не предназначенные собственно для жилья, хотя бы и временно им занятые, а также представители православного духовенства и дипломатических миссий, учебные и благотворительные учреждения, казармы и жилища при фабриках. Оклад квартирного налога определялся по наёмной цене жилища.

Вслед за учреждением нового налога Витте приступил к осуществлению винной монополии. Этот шаг, который он с гордостью называл «мерой, по своему объёму и своей новизне совершенно необычайной, чрезвычайно новой, не существовавшей, не известной в практике западных стран и вообще всего мира», способствовал тому, что питейный доход по-прежнему составлял треть всех податных поступлений.

Несмотря на то, что действовавшая с 1863 года акцизная система, казалось, демонстрировала свою эффективность – за 30 лет приносимый ею доход удвоился – тем не менее, в 1890-х годах начался поэтапный переход к винной монополии. В 1895 году она была введена в Пермской, Уфимской, Оренбургской и Самарской губерниях, а к началу XX века – в 75 губерниях. Суть винной монополии и её отличие от акциза состояли в следующем.

Акцизная система предоставляла свободу как производству водки и спирта, так и их продажи, а государство только наблюдало за питейным делом в той мере, которая была необходима для правильного и равномерного взимания косвенного налога. При введении винной монополии государство сконцентрировало в своих руках очистку спирта (выделку водки) и торговлю крепкими спиртными напитками (как оптовую, так и розничную), которая была сосредоточена в казённых заведениях – оптовых складах и винных лавках. Производство спирта-сырца допускалось как на государственных заводах, так и частных, но частные производители были обязаны: во-первых, уплатить повышенный акциз; во-вторых, произвести только заказанное казной количество спирта, которое должно было быть продано государству же.

Осуществление винной монополии стало грандиозным хозяйственным мероприятием. На оборудование монополии складами, ректификационными заводами, машинами и инвентарём в пределах только Европейской России правительству с 1894 по 1902 года пришлось затратить 122 млн. р. В конце XIX века вольнонаемный персонал, не считая рабочих, состоял из 20 470 человек, было открыто около 17 тыс. винных лавок, в год заготавливалось несколько десятков миллионов ведер водки. Чем же объяснялось проведение столь масштабной операции? Официальной версией были попечительство о народной трезвости и необходимость борьбы с произволом частных предпринимателей и «кабатчиков», выражавшемся в завышении цен на водку, обмане при покупке, сознательном ухудшении качества вина путём разбавления или добавления вредных примесей.

Соображения нравственного порядка при проведении глобальной операции фискального характера, если и учитывались правительством, то, безусловно, находились на втором плане. Главный побудительный мотив заключался в стремлении государства направить прибыль от питейного дохода, получаемую частными лицами, в свой карман. Финансовая польза от введения монополии оправдала значительные расходы, осуществлённые при её введении. По официальным отчётным данным за 1899 год, заготовление ведра сорокаградусной водки обходилось казне в 1 р. 90 к., считая не только покупную стоимость спирта, очистку и перевозку водки, содержание вольнонаемного персонала, но и такие расходы, как содержание администрации при губернских акцизных управлениях, разъездные и командировочные, награды чинам акцизного надзора и полиции. При этом назначаемая казной цена ведра водки составляла 7 р. 60 к., а ведра «столового вина высшей очистки» – 10 р. Таким образом, при сравнении с 1880 годом, когда при 7-копеечном акцизе ведро водки оплачивалось налогом в 2 р. 80 к.,

обложение было удвоено; при сравнении со временем, непосредственно предшествовавшим введению монополии, когда акциз составлял 10 к., налог увеличен на 1 р. 70 к. с ведра, или на 40 %. С увеличением в XX веке числа питейных казённых заведений и дальнейшим ростом цен на спиртные напитки питейный доход стал резко расти как в абсолютном (денежном), так и относительном выражении.

Глобальной мерой Витте в налоговом деле стало существенное увеличение продуктивности налога на предпринимательскую деятельность (промысловый налог), уровень обложения которой почти на всём протяжении XIX века был весьма невысок. Объяснение этому крылось в двух главных причинах: с одной стороны, российское правительство не хотело ставить препятствий развитию промышленности, которая находилась в привилегированном, по сравнению с аграрным сектором, положении; с другой – слабому обложению предпринимательства способствовало несовершенство формы существовавшего налога.

В условиях бурного развития торгово-промышленной жизни второй половины XIX века несовершенство патентной системы, выражавшееся прежде всего в неравномерности обложения, было очевидно. Крупные предприятия пользовались преимуществами, не оправдываемыми ни фискальными, ни экономическими соображениями. Так, все кредитные учреждения, акционерные банки, кредитные общества с капиталом свыше 50 000 тыс. р. обязаны были выкупать свидетельство первой гильдии. В результате одинаковую сумму налога платили как единоличные предприниматели (физические лица) или общества взаимного кредита с капиталом 50 – 60 тыс. р., так и акционерные банки с капиталом в десятки миллионов рублей. Показателен и другой пример. Вся фабрично-заводская промышленность, подведённая под гильдейское обложение (т.е. предприятия с числом рабочих более 16) была отнесена ко второй гильдии (исключение составляли только те фабриканты, которые вели оптовую торговлю из отдельно содержащихся контор и складов – эти оптовики числились по первой гильдии). В результате к одной категории налогоплательщиков были отнесены как небольшой заводик с 17 работниками, так и промышленный гигант с многотысячным персоналом.

В 1892 году С.Ю. Витте представил Александру III доклад, в котором «в видах достижения большего единства и равномерности в обложении торговли и промышленности» и более правильного соотношения доходов казны с развитием предпринимательской деятельности испросил разрешение на подготовку общей реформы торгово-промышленного обложения. Вместе с тем, не дожидаясь начала коренных преобразований, министр финансов провёл 21 декабря 1892 года закон о повышении торгово-промышленных сборов, что дало увеличение дохода казны на 5 млн. р. Считая нормы обложения, утверждённые в 1885 года, недостаточными, Витте настоял на увеличении с 1893 года размера процентного (с 3 до 5 %) и раскладочного дополнительного сборов (на 25 %) и на привлечении к платежу раскладочного сбора фабрик и заводов, уплачивающих акцизные сборы. Общая сумма раскладочного сбора должна была устанавливаться на трёхлетия в законодательном порядке, а затем развёрстываться по губерниям с учётом доходности последних. Закон не устанавливал никаких способов определения оборотов и прибылей, развёрстка между предприятиями должна была проводиться «сообразно предлагаемым прибылям», вследствие чего исчисление доходности предприятий ставилось в полную зависимость от местных податных учреждений, бернские податные присутствия могли не только понижать эти предполагаемые прибыли для предприятий, находившихся в затруднительном финансовом положении, но и совсем освободить от раскладочного сбора при условии распределения общей суммы поступлений между другими плательщиками.

Определение суммы раскладочного сбора в условиях господства коммерческой тайны не могло существенно затронуть обложением действительную прибыль, к тому же правительство сознательно не поднимало налоги с промышленности и торговли до уровня, опасного для их развития. По данным Министерства финансов, после введения дополнительного сбора торговцы и промышленники в среднем должны были уплачивать не более 4 % с чистого дохода, в то время как земельные собственники платили от 4 до 5,5 %, а владельцы другого недвижимого имущества – до 6,5 %.

В 1894 году по инициативе Витте Министерством финансов был подготовлен новый проект промыслового обложения, в котором на принципах прогрессивности предусматривалось общее увеличение ставок как основного (патентного), так и дополнительного сборов. Проект положения о государственном промысловом налоге был направлен Министерством финансов на отзыв в представительные организации – биржевые комитеты, купеческие общества, отраслевые предпринимательские объединения.

Подавляющее большинство принявших участие в обсуждении проекта промышленников, коммерсантов и банкиров решительно выступило против увеличения обложения предпринимательской деятельности. Несмотря на это, в 1898 году правительство приняло новое «Положение о Государственном промысловом налоге», в котором обложение торгово-промышленной деятельности строилось на сочетании традиционной «патентной системы» с элементами подоходно-прогрессивного налога.

По новому закону промысловое обложение из платы за право торговли и промыслов превратилось в имущественный налог. Податное бремя было перенесено на предприятия: как говорилось в законе, «кому бы таковые ни принадлежали – отдельным частным лицам или же всякого рода торговым товариществам: чью бы собственность ни составляло предприятие, оно должно считаться податною единицею и нести соответственный налог».

Такой подход при сохранении патентной системы даже с учётом понижения стоимости патента существенно увеличивал величину основного налога. Проиллюстрировать это можно таким примером. Раньше уплата «основного» налога проводилась при условии покупки двух документов – свидетельства «на право торговли и промыслов» и билетов на содержание торгово-промышленных предприятий, причём по свидетельству первой гильдии разрешалось содержать десять, второй – пять заведений. В цифрах это выражалось следующим образом. Предприниматель (физическое или юридическое лицо) первой гильдии, оперирующий в местности первого класса (Москва, Петербург) платил 565 р. за свидетельство и по 55 р. за каждое предприятие. В итоге владелец десяти предприятий платил около 110 р. за заведение, а собственник одного – 620 р. Следовательно, тяжесть налога была обратно пропорциональна числу заведений, содержащихся по налоговым документам. По новому закону основной налог на заведение первого разряда был установлен в 500 р., но он должен был уплачиваться за каждое предприятие. Таким образом, основной налог представлял собой пошлину лицензионного типа, стоимость которой зависела от класса местности (всего пять классов) и разряда предприятия (для торговых предприятий – пять разрядов, промышленных – восемь).

Дополнительный налог сохранял деление на акционерные и «неотчётные» предприятия. Первые платили налог с капитала, взимаемый в размере 15 к. со 100 р. основного капитала предприятия, то есть 0,15 %, и процентный сбор с прибыли, который устанавливался пропорционально чистой прибыли.

Новый закон освобождал от обложения первые 3 % прибыли на капитал, на остальную часть прибыли устанавливались слабопрогрессивные ставки. Прогрессия обрывалась на 10 % прибыли на основной капитал.

Для предприятий неакционерных дополнительный налог был установлен по новому положению в виде раскладочного сбора и процентного сбора с прибыли, превышающей определённый размер (именно с той суммы, которая превышала в 30 раз основной промысловый налог с данного предприятия). Размер процентного сбора с прибыли был определён в 1 р. с каждых 30 р. излишка, то есть 3,33 %. Сумма раскладочного сбора по-прежнему определялась каждые три года в законодательном порядке, а по губерниям и предприятиям распределялась ежегодно.

В целях повышения результативности сборов разработчики закона 1898 года дали более чёткое определение категории «чистой» прибыли, которая подвергалась налогообложению. В неё включался остаток суммы от валового дохода после вычетов расходов «на управление, содержание и эксплуатацию предприятия», куда входили все производственные издержки, платежи процентов на занятый (облигационный) капитал, а также всякого рода вознаграждения (жалование, наградные) членам правления, советов, комиссий, «комиссионные, куртажные и маклерские расходы». В п. 98 Положения оговаривалось, что безналоговое отчисление вознаграждений в расходную часть баланса ограничивается суммой до 10 тыс. р. в год на одно лицо, при этом общая сумма директорских тангем не должна была превышать 3 % годового расхода к основному капиталу компаний. Суммы директорских вознаграждений свыше 10 тыс. р. подлежали налогу с прибыли подобно тому, как это было принято в большинстве стран Западной Европы. Новый закон впервые выделял подвергаемую обложению категорию так называемых личных промысловых занятий, к которой относились приказчики первого и второго класса, коммивояжёры, экспедиторы, биржевые маклеры и биржевые нотариусы, торговые посредники, а также «лица, входящие, по избранию, в состав правлений, советов, учётных и наблюдательных комитетов и ревизионных комиссий, как то: председатели, директора, управляющие, члены и т.п. в предприятиях акционерных и паевых, а равно управляющие означенными предприятиями. Их товарищи и уполномоченные».

Особенность нового «Положения» заключалась и в привлечении к обложению новых отраслей предпринимательской деятельности. Впервые платежу промыслового налога подлежали по категории торговых предприятий – лесопромышленность, скотопромышленность, хлебопеченье; промышленных предприятий – горная и металлообрабатывающая промышленность, механические заводы, занятые изготовлением машин и аппаратов для фабрик, свёкლოსахарные заводы.

Таким образом, представляя собой комбинацию нескольких систем, применявшихся и ранее – патентной, раскладочной и окладной, новый государственный промысловый налог привнес много новых элементов в обложение предпринимательства. «Положение» усилило прогрессивность обложения, увеличило оклады и привлекло к обложению новые отрасли экономики. В итоге уже в первый год действия нового закона был получен 61 млн. р. против 48 в 1898 году, а в 1900 году доход повысился до 69,8 млн. р. Вместе с тем удельный вес доходов от промыслового налога по-прежнему колебался в пределах 3...4 % доходной части бюджета.

Важным направлением налоговой политики были мероприятия по уравниванию и облегчению податных тягот крестьянского населения. Сторонник активного пополнения государственных доходов С.Ю. Витте настаивал на том, что налоги в России сравнительно с другими европейскими странами были не высоки, но главной причиной их относительно малой эффективности была нищета основной массы крестьянства. В 1898 году в письме к царю он путём несложных выкладок доказывал эту мысль. Витте писал: «Ваше Величество имеет 130 млн. подданных. Из них едва ли много более половины живут, а остальные прозябают. Наш бюджет до освобождения крестьян был 350 млн. р. освобождение дало возможность довести его до 1400 млн. р. (...) Но уже теперь тяжесть обложения дает себя чувствовать. Между тем бюджет Франции при 38 млн. жителей составляет 1260 млн. р.; бюджет Австрии при народонаселении в 43 млн. составляет 1100 млн. р. Если бы благосостояние наших плательщиков было равносильно благосостоянию плательщиков Франции, то наш бюджет мог бы достигнуть 4200 млн. р. вместо 1400 млн. р., а сравнительно с Австрией мог бы достигнуть 3300 млн. р. вместо 1400 млн. р. Почему же у нас такая налоговоспособность? Главным образом от неустройства крестьян».

Проведённая Н.Х. Бунге реформа крестьянского обложения, представлявшая собой серию последовательных акций: отмену соляного налога, сложение недоимок, понижение выкупных платежей с крестьян, отмена подушной подати и преобразование оброчной подати бывших государственных крестьян в выкупные платежи – значительно изменила структуру прямых налогов, которая носила в недавнем прошлом ярко выраженный сословный характер. Вместе с тем налоговый груз, лежавший на сельском населении, не ослаб, платёжные силы крестьянства были истощены. Русские экономисты конца XIX века, опираясь на качественные статистические данные, пришли к выводу, что почти на половине территории России земледельческое население платило в казну больше, чем получало от своего главного занятия – земледелия. Излишек, необходимый для уплаты налогов, крестьянству приходилось зарабатывать либо кустарным производством, либо отхожими промыслами.

С точки зрения Витте, главным путём повышения благосостояния, а значит и налоговоспособности, было последовательное решение злополучного «крестьянского вопроса». В качестве решающих мер им предлагались отмена выкупных платежей, ликвидация общины с её парализующей нормальной хозяйственную деятельность круговой порукой, а затем и стимулирование хуторянина-производителя, наделение крестьянства землей путём организации широкомасштабного переселения из центра на восточные окраины. Однако этой программе не суждено было воплотиться в жизнь в конце XIX столетия, её реализация началась позже – при П.А. Столыпине, с именем которого она и вошла в историю.

В конце XIX столетия из всех предложенных Витте мер облегчения податного бремени крестьянства министру финансов удалось осуществить только те, которые не носили радикального характера. В 1895 году был освобождён от налога безвозмездный переход сельской собственности к ближайшим родственникам и облегчена уплата крепостных пошлин по переходу заложенных имений, понижена на одну треть пошлина со страховых имуществ, земства освобождены от обязательных расходов на содержание некоторых учреждений. С 1896 года установлено значительное облегчение по уплате крестьянами

выкупного долга, который предоставлено пересрочивать на новые сроки, наполовину понижен, на срок в десять лет, государственный поземельный налог, и, наконец, в 1898 году была отменена подушная подать в Сибири.

Несмотря на ликвидацию подушной подати и снижение ряда прямых налогов, падение налоговоспособности российского крестьянства было очевидным фактом. В прессе и публицистике того времени немало писалось об «оскудении деревни». Во многом это объяснялось общим ухудшением материального положения сельского населения, связанным с уменьшением земельного надела в расчёте на душу населения и истощением земли. Однако не менее важным было и то, что российские крестьяне, получавшие по сравнению с другими социальными группами наименьший доход, несли наибольшее, если не по абсолютному объёму, то по численности, количество повинностей. Только крестьяне были обязаны платить выкупные платежи, которые, представляя по форме уплату процентов казне за выданную на покупку земли ссуду, по способу взимания и раскладки ничем не отличались от прямых налогов.

Крестьяне несли на себе бремя не только государственных налогов, пополнявших бюджет, но платили многочисленные местные сборы и выполняли целый ряд натуральных повинностей. Самыми крупными местными платежами являлись земские сборы, которые до середины XIX века делились на общие, идущие на удовлетворение общеимперских потребностей, и местные. При этом первые чаще всего составляли наибольший объём. После Земской реформы 1864 года значительная часть доходов земств стала тратиться на такие статьи, как народное образование, медицина, ветеринарная часть, общественное призрение, которые охватывали все группы населения, но самую значительную часть денежных поступлений обеспечивали крестьяне. Как свидетельствуют публиковавшиеся земские бюджеты, доходная часть местного самоуправления формировалась более, чем на 50 % от обложения земли, в то время как, например, сборы с документов на право торговли и промыслов составляли менее 5 %. Кроме земских сборов, которые аккумулировались на губернском уровне, крестьяне обязаны были платить мирские (волостные) сборы в пользу своих сельских обществ. Эти средства шли на содержание волостного управления, общественных зданий, поддержание местной инфраструктуры. Как и в прежние времена, волостные повинности отправлялись как в денежной, так и натуральной формах. Последняя включала в себя исполнение обязанностей нижних чинов полицейской службы в деревне – сотских и десятских, дорожную, подводную, церковную повинности, несение караульной службы. Как писал один из экономистов начала XX века, «налагая на крестьян значительную тяготу, распределяясь весьма неравномерно и обременяя собою исключительно бывшие податные сословия, натуральные повинности по общему своему складу и по своей бытовой обстановке донныне носят на себе следы крепостного порядка, являясь как бы пережитком дореформенной эпохи».

2.3. ДЕНЕЖНАЯ РЕФОРМА 1895 – 1897 годов: СТАНОВЛЕНИЕ СИСТЕМЫ ЗОЛОТОГО МОНОМЕТАЛЛИЗМА

Преобразование денежной системы было, пожалуй, одно из наиболее главных условий обеспечения притока иностранных капиталов в Россию для интенсификации индустриальной модернизации. Как мы видели, несмотря на создание необходимых условий, министру финансов Н.А. Вышнеградскому не удалось осуществить введение золотого монометаллизма в Российской империи. Выполнение этой исторической задачи легло на плечи нового министра финансов С.Ю. Витте. Денежная реформа не была одномоментным актом, а состояла из серии мероприятий, имевших целью: установить твёрдое золотое содержание новой денежной единицы; обеспечить бесперебойный обмен банкнот на золото по твёрдым паритетах; внедрить в обращение полноценную золотую монету, используя её наряду и наравне с кредитными деньгами для наличных платежей.

Необходимой предпосылкой реформы стали меры, направленные на стабилизацию валютного курса российского рубля. Целенаправленные усилия министерства финансов в этом направлении всегда подрывали масштабные спекуляции на курсе бумажного рубля, центром которых стала Берлинская биржа. Дело в том, что к тому времени до трети российского экспорта приходилось на Германию, и немецким коммерсантам было чрезвычайно выгодно играть на курсе рубля, получая, таким образом, односторонние преимущества в торговле с Россией. Для проведения валютных спекуляций на бирже даже сложился целый синдикат игроков. В 1894 году Витте удалось нанести серьёзный удар по спекулянтам. Через своих агентов он начал скупку наличных рублей в тот момент, когда биржевые спекулянты обвалили в очередной раз курс рубля. Кроме того, министерству финансов удалось заключить на Берлинской бирже срочную сделку с обязательством поставки валютными спекулянтами агентам Витте суммы в 30 млн. р. по истечении определённого срока. Когда же наступил момент исполнения сделки, естественно, что подобной суммы в кредитных билетах на бирже не оказалось, и берлинские биржевики были вынуждены осуществить закупки на Петербургской бирже, но по гораздо более высокому курсу. Огромные убытки отбили желание у иностранных спекулянтов играть на курсе рубля. Валютный курс его удалось стабилизировать и поддерживать на уровне 66 копеек золотом за кредитный рубль.

Затем министру финансов пришлось закончить незавершённые Бунге и Вышнеградским расчёты между Государственным Банком и Казначейством на основании закона от 1 января 1881 года. По указу от 9 декабря 1894 года оставшиеся в обращении кредитные билеты временно выпуска на сумму в 266 263 146 р. причислялись к билетам постоянного выпуска под обеспечение разменным фондом.

Начало реформе положило официальное признание за золотом свойств денежного материала и реально функционирующих денег, подкреплённое последовательными и настойчивыми действиями властей по его внедрению в хозяйственный и денежный оборот. Решающее значение в этом плане имел закон от 8 мая 1895 года. Он основывался на следующих принципиальных положениях:

- 1) все разрешённые законодательством сделки могли заключаться на российскую золотую монету;
- 2) расчёты по таким сделкам могли производиться золотой монетой, либо кредитными билетами по курсу на золото в день действительного платежа;
- 3) министру финансов давалось право санкционировать внесение золотой монеты в уплату акцизных сборов по назначенному им курсу.

В развитие закона от 8 мая 1895 года министерство предприняло целый ряд шагов. 24 мая конторам и отделениям Государственного Банка было разрешено покупать золотую монету по определяемому министерством курсу, а некоторым конторам – продавать монету и даже производить платежи ею. Параллельно органам казначейства предоставлялось право выдавать частным лицам часть следующим им из казны платежей золотой монетой по курсу, установленному для её приёма в уплату акцизов.

27 сентября 1895 года Государственный Банк объявил о приёме монеты в платежи и продаже её по курсу не ниже 7 р. 40 к. за полуимпериал. 6 ноября императором министру финансов было предоставлено право разрешать кассам всех правительственных учреждений приём всех причитающихся государству платежей по курсу, назначенному министерством. Но, поскольку цена в 7 р. 40 к. за полуимпериал создавала значительные неудобства в обороте, уже в ноябре 1895 года Витте пришлось пойти на повышение курса полуимпериала до 7 р. 50 к. Курс устанавливался министром финансов на определённый срок и мог быть изменен им. Это обстоятельство и сдерживало первоначально обращение золотых монет наравне с кредитными билетами. Существовала неопределённость со сроком действия официально установленного курса, поэтому население осторожно использовало монету в оборотах, опасаясь понижения её курса в административном порядке министерством финансов.

Вместе с тем в рамках первого этапа реформы Витте удалось сделать самое главное – добиться санкционирования использования золотой монеты во внутренних оборотах. Стремление министра финансов максимально учитывать при назначении официального курса золотой монеты реальный рыночный курс (66 к. золотом за кредитный рубль) способствовало тому, что монета в 1895–1896 годах во всё возрастающих количествах стала появляться во внутреннем денежном обращении.

В течение 1896 года основные принципы денежной реформы были окончательно сформулированы министром финансов и внесены на рассмотрение высших бюрократических инстанций Российской империи. Личная поддержка императором Николаем II инициатив Витте позволила преодолеть мощное лобби противников введения золотого монометаллизма в России. К концу 1896 года основополагающие акты денежной реформы были переданы на утверждение царю.

Когда таким образом золото реально пошло в обращение, а разменность на него кредитных денег стала по существу свершившимся фактом, настала очередь для следующего важного шага: замены старой бумажной единицы – рубля кредитного – новой металлической единицей – тоже рублём, но золотым. Задача эта была решена простым, однако достаточно необычным способом.

Законом от 3 января 1897 года было объявлено о чеканке и выпуске в обращение золотых монет, эквивалентных по содержанию металла прежним 10-рублёвым империалам и 5-рублёвым полуимпериалам, но с новым номиналом – соответственно 15 р. и 7 р. 50 к. Другими словами, нарицательная стоимость империальных и полуимпериальных монет приводилась в точное соответствие с ценой этих монет в кредитных рублях, зафиксированной ранее. Практически же это как раз и означало, что бумажный кредитный рубль в условиях свободного размена превращался в металлический золотой рубль, а вытекавшая из установленной цены золота обратная величина ($11,6135 : 15 = 0,77423$ г чистого золота) становилась официальным золотым содержанием новой денежной единицы России.

Избранный способ перехода на золотую валюту позволил сохранить прежние числовые обозначения всех денежных параметров – цен, тарифов, заработков, налогов, долговых обязательств, бухгалтерских балансов. Не надо было привыкать к новым деньгам, заниматься пересчётами, пересматривать контракты, переделывать прейскуранты. Оценивая эту сторону реформы, русский экономист П. Х. Шванебах подчёркивал: «Формула для неё найдена замечательно удачная: наш рубль остался рублём; никакой переоценки предметов, обязательств и услуг не потребовалось; но из величины непостоянной и колеблющейся рубль превратился в величину постоянную и неизменную».

Многие современники, а позднее и советские исследователи склонны были однозначно характеризовать реформу Витте как девальвацию, понизившую на одну треть золотое содержание российской валюты. С формальной стороны это действительно выглядело так, если считать реформируемой денежной единицей не кредитный рубль, а условный империальный рубль (одна десятая империала), который был равен 1,1613 г чистого золота ($11,6135 : 10$).

Но дело в том, что ни империал, ни дробные его части таковой единицей не были: империал получил свой 10-рублевый номинал лишь потому, что содержащийся в нём металл стоил когда-то 10 р. серебром, или в равной степени кредитными билетами, разменными на серебро. Однако с тех пор серебро и кредитные билеты обесценились, тогда как золото, а с ним и империал, и империальный рубль стали дороже (ко времени реформы – в полтора раза). Поэтому факт установления официального золотого содержания рубля на уровне $0,77423$ г в действительности никак не мог означать уменьшения ценности империала, то есть того, что понимают под девальвацией. Фактически империал как стоил, так и продолжал стоить 15 р. Правильнее сказать, что таким путём был отражен и зафиксирован результат предшествующего обесценения бумажно-кредитного рубля. Превращаясь в металлическую валюту, он приобрёл золотое содержание сообразно степени этого обесценения.

Реформа логически завершилась законодательными актами относительно организации эмиссии кредитных билетов. Законом от 29 августа 1897 года были установлены нормы золотого обеспечения эмиссии кредитных билетов: банкнотное обращение в сумме до 600 млн. р. должно было обеспечиваться металлическим запасом в половинном размере, тогда как превышение этого лимита – полностью рубль за рубль, так, чтобы каждые 15 р. в кредитных билетах обеспечивались золотом в количестве не менее одного империала. Кредитные билеты эмитировались Государственным Банком исключительно в пределах потребностей денежного оборота. Таким образом, в России впервые сложилось полноценное обращение банковских билетов, свободно размениваемых учреждением, их выпустившим, на звонкую монету.

В ноябре 1897 года закон предписал изложить принципы золотомонетного стандарта в обязательных надписях на кредитных билетах. Одна из них гласила: «Государственный банк разменивает кредитные билеты на золотую монету без ограничения суммы (1 р. = 1/15 империала, содержит 17,424 долей чистого золота)». В другой утверждалось:

- 1) размен кредитных билетов на золотую монету обеспечивается всем достоянием государства;
- 2) государственные кредитные билеты имеют хождение во всей империи наравне с золотой монетой».

В 1898 году в обращение стали выпускаться для удобства расчётов золотые монеты достоинством в 5 и 10 р.

Окончательные итоги денежной реформы закреплялись Монетным Уставом 1899 года. Он гласил, что монетной единицей Российской империи является золотой рубль, содержащий 17,424 долей чистого золота. Золотая монета могла чеканиться как из золота, принадлежащего казне, так и предоставляемого частными лицами. Высокопробная серебряная монета принималась в платежах до 25 р., неполнопробная и медная – до 3 р.

Как показала история пореформенных лет, усилия, затраченные на переход к золотой валюте, в целом себя оправдали. Во всяком случае, новая система оказалась достаточно гибкой и устойчивой, чтобы выдержать такие серьёзные внутренние и внешние испытания, как экономический кризис начала девятисотых годов, войну с Японией, революцию 1905 года.

Золотые монеты быстро вошли и прочно закрепились во внутреннем денежном обращении, обслуживая значительную часть наличного оборота. Крупный и постоянно пополняемый металлический фонд обеспечил неограниченную и беспрепятственную разменность банкнот, которые выпускались и циркулировали как полноправные и полноценные заместители золота.

Были даже времена, когда в наличном обороте золото преобладало. Так, на протяжении пятилетнего периода 1900 – 1904 годов золотых монет в обращении было больше, чем банкнот. Максимум был отмечен в 1903 году, когда на золотые монеты пришлось свыше 52 % общего объёма внутреннего денежного обращения страны.

В ходе последующей эволюции банкнотное обращение в России, как и в других странах мира, постепенно стало вытеснять золотые монеты, однако механизм автоматического регулирования денежной массы, свойственный системе золотой валюты, продолжал действовать. Золото втягивалось в наличный оборот или покидало его в зависимости от потребностей народного хозяйства и экономической конъюнктуры. Основные элементы этого механизма – обращение золотых монет, банкнотное обращение и централизованный металлический фонд, обеспечивавший разменность кредитных билетов, – фактически действовали как сообщающиеся сосуды.

Заслуживает внимания и то обстоятельство, что на протяжении всего периода существования золотой валюты в России централизованный металлический фонд по своим размерам превосходил лимит, необходимый по закону для обеспечения банкнотного обращения. Другими словами, всегда имелся определённый резерв эмиссии, которым можно было воспользоваться при непредвиденных обстоятельствах. Что касается общего соотношения между массой, золота в централизованном запасе и объёмом банкнотного обращения, то оно колебалось в очень широких пределах 77 – 172 %, и только единственный раз (в конце 1905 года) оказалось ниже 100 %-ной отметки.

Переключение на базу золотого рубля, безусловно, оказало благоприятное воздействие на экономическое развитие России в пореформенное время, хотя сама динамика процесса, как известно, далеко не была устойчивой и однозначной. Но как бы то ни было, денежно-валютное устройство, адекватное общемировому, способствовало достаточно высоким темпам экономического роста, индустриализации страны, расширению внешнеэкономических связей. Кривая развития промышленности, сельского хозяйства, торговли, транспорта уверенно шла вверх, и в этом отношении Россия несколько не отставала от наиболее передовых государств мира. За 18 лет существования золотого обращения экономический потенциал страны практически удвоился – такой результат говорит сам за себя.

С установлением реального золотого обращения и разменности банкнот Россия вошла в число государств с абсолютно свободным валютным режимом. Переход к золотой валюте автоматически снял осложнения и риски, связанные с колебаниями валютного курса. Возможность превращения золотого рубля в другие денежные единицы достигла максимально мыслимой степени свободы, что по нашим понятиям означало исчезновение всех проблем валютной обратимости. У золотых денег это свойство подразумевалось само собой, а механизм золотомонетного стандарта полностью обеспечивал его на практике.

2.4. ЭКОНОМИЧЕСКИЙ РОСТ 1890-х годов: ПРИРОДА, ФАКТОРЫ И СОДЕРЖАНИЕ

Экономический подъём 1890-х годов стал одним из важнейших этапов в развитии российского капитализма. Менее чем за десятилетие Россия совершила настоящий скачок в своём промышленном развитии, чему в значительной мере способствовала общая обстановка высокого подъёма мирового капиталистического хозяйства. 1890-е годы были высшим этапом в развитии российского государственного капитализма, временем его наиболее интенсивного воздействия на всю экономику страны.

Основой всемирного экономического подъёма 1890-х годов явилось огромное расширение мирового рынка, вызванное завершением раздела мира между великими державами, усилением эксплуатации колоний и полуколоний, строительством железных дорог в отсталых странах, массовым экспортом капитала, а также окончанием аграрного кризиса.

В вырвавшихся вперёд более «молодых» капиталистических странах – США и Германии – железнодорожное строительство уже потеряло к началу подъёма 1890-х годов своё значение ведущего звена в системе хозяйственного развития. Его место заняло теперь техническое перевооружение тяжёлой промышленности, машиностроения и самого транспорта, химии и новых развивающихся отраслей – электропромышленности и электроэнергетики. Переоборудование железнодорожного транспорта было тесно связано с потребностями тяжёлой промышленности в доставке всё большей массы промышленного сырья и в ускорении перевозок. Это вызвало переход от однопутных к двух- и трёхпутным железнодорожным линиям, перестройку полотна для движения тяжеловесных поездов, включая переход на утяжелённые рельсы и реконструкцию мостов, введение в эксплуатацию более мощных паровозов, замену деревянных вагонов и платформ стальными и менее грузоподъёмными – более грузоподъёмными (в США переходили, например, от 30-тонных вагонов к 37 – 50-тонным). Техническое перевооружение транспорта, в свою очередь, влияло на рост металлургии и машиностроения.

В странах «старого» капитализма – Англии и Франции – процесс переоборудования промышленности не был столь интенсивным и широким, гораздо слабее шло там и развитие новых отраслей. Поэтому и экономический подъём в этих странах был гораздо слабее, чем в США и Германии, причём во Франции первое место по мощности механических двигателей и по темпу их роста занимала в период подъёма не тяжёлая, а текстильная промышленность.

В России ведущим рычагом экономического подъёма оставалось строительство железных дорог и создание на этой основе, в отличие от зависимых стран, собственной металлургии и транспортного машиностроения. Однако капиталистическая индустриализация страны происходила с помощью значительного привлечения иностранных капиталов. За семь лет подъёма в строительство железных дорог, а также в новые и старые отрасли промышленности, непромышленные предприятия и городское строительство было вложено до 3,5 млрд. р., то есть почти столько же, сколько за весь предшествовавший пореформенный период, из них до 1,5 млрд. р. было получено извне (как и раньше, преобладали займы для строительства новых железных дорог, но впервые до 0,5 млрд. р. иностранных капиталов было инвестировано в русскую тяжёлую промышленность). Свыше 1 млрд. р. русских капиталов пошло на расширение промышленности, преимущественно лёгкой, и в городское строительство. Кроме того, почти 1 млрд. р. новых капиталов был вложен в сооружение железных дорог из доходов государственного бюджета.

Годовое строительство железных дорог уже в первое трёхлетие подъёма превзошло среднегодовую величину самого интенсивного по железнодорожному строительству периода 1866 – 1878 годов и достигло почти 1,8 тыс. вёрст. В следующем пятилетии (1896 – 1900 годы) размеры строительства дошли до 3,1 тыс. вёрст в год и оставались на высоком уровне – 1,9 тыс. вёрст – даже после наступления кризиса, в 1901 – 1903 годах. В результате за 1893 – 1903 годы протяжённость железнодорожной сети России (вместе с Китайско-Восточной железной дорогой) удвоилась и составила к концу рассматриваемого периода 58 тыс. вёрст. Грузооборот железных дорог за семь лет также удвоился, а перевозки пассажиров – почти утроились (2098 млрд. пудовёрст и 14,6 млрд. пассажировёрст в 1900 году).

В результате крупных капиталовложений в металлургию выплавка чугуна возросла в России за семь лет в 2,8 раза (с 65 до 179 млн. пудов), а выплавка стали – более чем в четыре раза (с 31 до 133 млн. пудов). Для того, чтобы оценить огромный скачок в развитии металлургии за 1890-е годы, следует напомнить, что вплоть до середины 1880-х годов российская металлургия находилась в состоянии полного застоя. Старая крепостная металлургия, которая к началу XIX века занимала первое место в мире, не в состоянии была развиваться на прежней основе. К моменту реформы 1861 года удельный вес России в мировом производстве металлов упал до 5 %, а к 1880-м годам, при сохранении полукрепостнических отношений на Урале, дошёл до 2 % мировой продукции чугуна.

Перелом наступил во второй половине 1880-х годов. В течение нескольких лет на юге страны была создана её основная металлургическая база. Выплавка чугуна с 4 млн. пудов в 1887 году возросла до 20 млн. пудов в 1893 году и до 90 млн. в 1900 году, превысив производство во всех остальных районах вместе взятых. Стремительный скачкообразный рост южной металлургии отвлекал внимание современников от того существенного факта, что впервые за всё столетие полукрепостная металлургия Урала показала признаки явного оживления, увеличив выплавку чугуна с 1886 по 1893 год в 1,5 раза – до 30 млн. пудов и доведя её к 1900 году до 50 млн. пудов, то есть до самой высшей точки за всю историю царской России. Главной причиной этого роста уральской металлургии стало строительство Сибирской магистрали и соединение с ней Северного Урала, что открыло для уральских заводов новые восточные рынки сбыта.

Достигнутый уровень развития российской металлургии к концу подъёма характеризуется и высоким соотношением выплавки стали и выплавки чугуна, которое было доведено к 1900 году до 78 %. Даже на Урале, где ещё в 1893 году было произведено всего 4 млн. пудов стали, в 1900 году её было выплавлено уже 18,3 млн. пудов.

Удельный вес России в мировом производстве металлов с 3,3 % в 1890 году возрос к 1900 году до 7,2 %, а по выплавке стали – до 7,8 %. Россия, отстававшая в начале 1890-х годов от Франции в два раза, обогнала её к 1900 году по производству чугуна на 7 %, а по выплавке стали – на 40 %. Слабо развитые накануне подъёма металлообработка и машиностроение увеличили выпуск продукции в три раза (до 209 млн. р.). Добыча угля за годы подъёма возросла в 2,3 раза и достигла к 1900 году без малого 1 млрд. пудов. Но удельный вес России в мировом производстве угля повысился незначительно – с 1,3 до 2,15 % и вдвое уступал удельному весу Франции, не говоря уже о других крупных капиталистических странах Запада. К 1900 году добыча нефти по сравнению с 1892 годом почти удвоилась, а по сравнению с 1886 годом возросла в четыре раза. По добыче нефти Россия вышла на первое место в мире и достигла в 1901 году высшей точки в развитии этой отрасли за весь досоветский период.

Число рабочих, занятых в топливной промышленности, увеличилось за семь лет в 2,7 раза – до 162 тыс. человек, в металлообработке – на 75 %, до 285 тыс., а по указанным отраслям вместе с металлургией – на 280 тыс., составив 680 тыс. человек. Мощности двигателей во всех этих отраслях возросли со 180 до 473 тыс. л.с.

Интенсивно росли во время подъёма и другие отрасли, производящие средства производства. Деревообработка, например, по стоимости продукции увеличилась почти в 2,5 раза – до 100 млн. р., силикатная промышленность в 2,3 раза – до 80 млн. р., производство кирпича, стекла и цемента увеличилось в 2,5 раза, а число занятых в этих отраслях рабочих удвоилось.

Продукция лесной промышленности в России не учитывалась, но выросла, если судить по росту деревообработки и увеличению экспорта леса, по крайней мере, вдвое.

Гораздо медленнее (что типично при интенсивности подъёма экономического цикла) росли лёгкая и пищевая промышленность. Последняя увеличила выпуск продукции в 1,5 раза, однако, регулируемая сахарная и мукомольная дали прирост лишь на 45 %, а винокуренная – на 12 %. Значительно больше возросла переработка хлопка – с 10 млн. пудов в 1892 году до 16 млн. пудов в 1899 году, тогда как суммарная переработка хлопка в пяти странах (США, Англия, Франция, Германия, Россия) увеличилась за это время только на 20 %.

Удельный вес России в производстве пяти указанных стран, колебавшийся с начала 1870-х на уровне 7...9 %, подскочил к концу 1890-х годов до 11 %. Однако увеличение переработки хлопка относится в большей своей части к началу подъёма (1893 – 1896 годы), когда и сбор хлебов был высоким. В последние же годы XIX века, после неурожая 1897 года, темпы прироста значительно снизились.

В итоге общий прирост промышленной продукции за семь лет подъёма достиг 80 %, а по сравнению с 1890 годом – удвоился. Отрасли, производящие средства производства (I подразделение), увеличили выпуск продукции почти в 2,3 раза, что даёт среднегодовой прирост в размере 13 %. Отрасли, производящие потребительские товары (II подразделение), увеличили выпуск своей продукции на 65 % при среднегодовом приросте 7 %. Удельный вес отраслей I подразделения во всей продукции крупной промышленности страны увеличился с 29 % в канун подъёма до 35 % к моменту наступления кризиса. С учётом лесной промышленности эта цифра была бы ещё выше.

За первые 30 лет после реформы общий индекс промышленного производства России увеличился в 3,3 раза. Однако и средний мировой индекс вырос за это время почти на ту же величину, вследствие чего ничтожный к 1860 году удельный вес России в мировом производстве, всего примерно 1,72 %, поднялся за 30 лет только до 1,88 %, то есть менее чем на одну десятую часть. А за 1890-е годы объём промышленной продукции России удвоился, тогда как мировой индекс промышленного производства увеличился на 40 %. За считанные годы подъёма удельный вес России в мировом производстве подскочил почти на одну треть, но составлял всё ещё только 2,4...2,5 % – вдвое меньше, чем удельный вес малоиндустриализированной Франции. При этом отставание России от Франции в развитии тяжёлой промышленности и машиностроения было в целом значительно меньше, чем отставание по отраслям, производящим предметы широкого потребления.

За годы подъёма значительно выросли старые индустриальные центры – в Петербурге и Прибалтике, Центральном промышленном районе и Царстве Польском, а также сложились новые центры тяжёлой промышленности на юге страны и в нефтяном Баку. Усилилась неравномерность развития крупной капиталистической промышленности по отраслям и районам страны. Литва и Белоруссия на Западе, Поволжье и восточные районы страны, Северный Кавказ и Сибирь оставались индустриально слабо развитыми районами, где преобладала промышленная переработка сельскохозяйственного сырья или же местного минерального сырья и леса. Однако во многом рост имел искусственную природу, будучи вызван активнейшим вмешательством государства в процесс железнодорожного строительства, что со всей очевидностью показал разразившийся в 1900 – 1903 годах кризис. Несмотря на значительные успехи, индустриальная модернизация страны на рубеже веков оказалась далеко не завершена. Достигнутый уровень развития промышленности пока ещё не отрицал общей экономической слабости страны.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Период, последовавший вслед за отменой крепостного права, в истории русского народного хозяйства занимает особое место. В содержательном отношении он знаменателен радикальным изменением хозяйственного порядка, крупными преобразованиями практически во всех сферах национальной экономики. Они были направлены на создание развитой капиталистической индустрии, современной финансовой системы, обеспечивающей динамичное развитие народного хозяйства. Пионером, застрельщиком экономических реформ в силу исторической традиции и в этот период выступало государство. Последнее сформировало мощнейший публичный сектор, основу которого составило железнодорожное хозяйство, используемый для регулирования национальной экономики. Активное вмешательство государства в хозяйственную жизнь страны, задействование максимально возможного арсенала методов воздействия на экономику позволило многим исследователям говорить об особом характере капиталистического хозяйства в России – так называемом «государственном капитализме». Патронаж со стороны государства, протекционистская политика способствовали на протяжении большей части данного периода бурному росту промышленности и транспорта, постепенному превращению России из аграрной в аграрно-индустриальную страну. Реформирование финансовой системы страны также было прямо направлено на обеспечение модернизации хозяйственной системы. Вместе с тем, наряду с позитивными чертами, масштабное государственное вмешательство в развитие экономических процессов повлекло за собой и целый ряд негативных последствий. Оно ставило возможности интенсивного развития экономики в зависимости от состояния государственных финансов, масштабы государственных заказов промышленным предприятиям и сопутствующих им расходов, убивало стимулы для реализации самостоятельных, инновационных проектов в среде русской буржуазии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Есиков, С.А. Социально-экономическое развитие России во второй половине XIX – нач. XX вв. / С.А. Есиков, В.В. Никулин. – Тамбов, 2002.
2. Рязанов, В.Т. Экономическое развитие России: Реформы и российское хозяйство в XIX – XX вв. / В.Т. Рязанов. – СПб., 1998.
3. Струмилин, С.Г. Очерки экономической истории России, СССР / С.Г. Струмилин. – М., 1966.
4. Хромов, П.А. Экономическое развитие России в XIX – XX вв. 1800 – 1917 / П.А. Хромов. – М., 1950.
5. Экономическая история России XIX – XX вв.: современный взгляд. – М., 2001.
6. Аникин, А.В. История финансовых потрясений / А.В. Аникин. – М., 2001.
7. Антонович, А. Теория бумажно-денежного обращения / А. Антонович. – Киев, 1883.
8. Бабст, И.К. Современные нужды нашего народного хозяйства / И.К. Бабст // Избранные произведения. – М., 2000.
9. Вагнер, А. Русские бумажные деньги / А. Вагнер. – Киев, 1871.
10. Бовыкин, В.И. Финансовый капитал в России накануне I Мировой войны / В.И. Бовыкин. – М., 2001.
11. Борисов, С.Н. Рубль: золотой, червонный, советский, российский. Проблема конвертируемости / С.Н. Борисов. – М., 1997.
12. Вейденгаммер, Ю. Баланс банка и система его операций / Ю. Вейденгаммер. – СПб., 1917.
13. Власенко, В.С. Теория денег в России / В.С. Власенко. – Киев, 1963.
14. Государственные финансы России. XIX – первая четверть XX века. – М., 2003.
15. Грегори, П. Экономический рост Российской империи (конец XIX – нач. XX вв.) / П. Грегори. – М., 2003.
16. Дружинин, Н.М. Избранные труды: Социально-экономическая история России / Н.М. Дружинин. – М., 1987.
17. Дьяконова, И.А. Нефть и уголь в энергетике царской России в международных сопоставлениях / И.А. Дьяконова. – М., 1999.
18. Красникова, Е.В. Экономика переходного периода / Е.В. Красникова. – М., 2006.
19. Лаверычев, В.Я. Государство и монополии в дореволюционной России / В.Я. Лаверычев. – М., 1982.
20. Любомиров, П.Г. Очерки по истории металлургической и металлообрабатывающей промышленности в России (XVII, XVIII и нач. XIX вв.) / П.Г. Любомиров. – Л., 1937.
21. Мартынов, С.Д. Государство и экономика: система Витте / С.Д. Мартынов. – М., 2002.
22. Пашикус, Ю.В. Деньги: прошлое и современность / Ю.В. Пашикус. – Л., 1990.
23. Петров, Ю.А. Коммерческие банки Москвы. Конец XIX в. – 1914 г. / Ю.А. Петров. – М., 1998.
24. Погребинский, А.П. Очерки истории финансов дореволюционной России (XIX – XX вв.) / А.П. Погребинский. – М., 1954.
25. Пушкарёва, В.М. История финансовой мысли и налоговой политики / В.М. Пушкарёва. – М., 2005.
26. Русский рубль: Два века истории. XIX – XX вв. – М., 1994.
27. Соловьёва, А.И. Промышленная революция в России в XIX веке / А.И. Соловьёва. – М., 1990.
28. Степанов, В.Л. Судьба реформатора / В.Л. Степанов, Н.Х. Бунге. – М., 1998.

29. Струмилин, С.Г. История черной металлургии в СССР / С.Г. Струмилин. – М., 1954. – Т. 1.
30. Толкушин, А.В. История налогов в России / А.В. Толкушин. – М., 2001.
31. Тюкавкин, В.Г. Великорусское крестьянство и столыпинская аграрная реформа / В.Г. Тюкавкин. – М., 2001.
32. Хейфец, Б.А. Кредитная история России / Б.А. Хейфец. – М., 2003.
33. Хромов, П.А. Очерки экономики феодализма в России / П.А. Хромов. – М., 1957.
34. Яковцевский, В. Купеческий капитал в феодально-крепостнической России / В. Яковцевский. – М., 1953.
35. Энциклопедия банковского дела. – СПб., 1907.
36. Абалкин, Л. Экономические воззрения и государственная деятельность С.Ю. Витте / Л. Абалкин // Вопросы экономики. – 1999. – № 4.
37. Бунге, Н.Х. Заметка о настоящем положении нашей банковской системы и средствах к её улучшению / Н.Х. Бунге // Сборник государственных знаний. – СПб., 1880. – Т. 8.
38. Витте, С.Ю. Национальная экономия и Фридрих Лист // Вопросы экономики. – 1992. – № 2 – 3.
39. Басалаева, Е.В. Налоги, частный бизнес и реформы Е.Ф. Канкрина / Е.В. Басалаева, Г.В. Косова // Финансы. – 2002. – № 2.
40. Косова, Г.В. Дефляционные мероприятия министра финансов Д.А. Гурьева (1810 – 1823) / Г.В. Косова // Финансы. – 2006. – № 4.
41. Корелин, А.П. С.Ю. Витте и бюджетно-финансовая реформа в России / А.П. Корелин // Отечественная история. – 1999. – № 3.
42. Лельчук, В.С. Лушин С.И. Бюджетная реформа 1858 – 1862 гг. – важнейшее событие в российских финансах XIX века / В.С. Лельчук, С.И. Лушин // Финансы. – 2004. – № 6.
43. Мау, В. Экономика и революция: уроки истории / В. Мау // Вопросы экономики. – 2001. – № 1.
44. Назарова, И.А. Теория и практика денежного обращения и денежных реформ в России (XVIII – первая половина XIX вв.) / И.А. Назарова // Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика. – 2005. – № 5.
45. Смирнов, В.С. Экономика предреволюционной России в цифрах и фактах / В.С. Смирнов // Отечественная история. – 1999. – № 2.
46. Хейфец, Б.А. Управление государственным долгом в царской России / Б.А. Хейфец // Финансы. – 2003. – № 11.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
1. ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ПОРЕФОРМЕННОЙ РОССИИ (1860 – 1880-е годы)	4
1.1. Экономическая политика самодержавия и развитие промышленности в пореформенной России	4
1.2. Становление системы государственных финансов нового типа: бюджетные и налоговые реформы в пореформенной России	10
1.3. Распад системы серебряного монометаллизма	19
1.4. Эпоха «инфляции» в истории русского денежного обращения	39
2. СТРАТЕГИЯ ИНДУСТРИАЛЬНОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ РОССИИ НА РУБЕЖЕ XIX – XX ВЕКОВ	53
2.1. Концепция экономической политики С.Ю. Витте	53
2.2. Основные направления финансовой политики С.Ю. Витте	59
2.3. Денежная реформа 1895 – 1897 годов: становление системы золотого монометаллизма	68
2.4. Экономический рост 1890-х годов: природа, факторы и содержание	73
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	77
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ	78